

Александр Зорич
Консул Содружества

«Автор»

2001

Зорич А.

Консул Содружества / А. Зорич — «Автор», 2001

«Когда человечество стоит у края, гуманизм идет на растопку...» Почему? Потому что кроветы – могущественная раса Чужих – подвергают побежденные планеты Содружества разрушительному преобразованию... Человечество вынуждено вступить в бой с захватчиками. Но исход войны решат не сотни тысяч звездолетов, а два человека! Звездный десантник Ван Гримм – и капитан аналитической разведки Вальдо... Увлекательная приключенческая фантастика – от автора эпических фэнтези-циклов «Круг Земель» и «Свод Равновесия», техно-боевика «Сезон оружия» и культовой серии «Завтра война».

© Зорич А., 2001

© Автор, 2001

Содержание

От автора	5
Глава 1	7
Глава 2	22
Глава 3	39
Глава 4	61
Конец ознакомительного фрагмента.	68

От автора

Когда писатель-фантаст говорит, что его интересует будущее Человечества, читатель обыкновенно воспринимает его слова как дежурную банальность. Мне легко понять этого читателя! Поскольку интересоваться будущим – это, согласно сложившейся в двадцатом веке традиции, обязанность писателя-фантаста, это, так сказать, поведенческая норма, как для врача-окулиста интересоваться состоянием глазного дна забредающих в кабинет пациентов. От писателя-фантаста требуют рассказов о будущем, у него буквально вымогают разумных инопланетян, рассекающих черную даль больших космических кораблей и, конечно, мудрых прозрений относительного того, «куда всё идет». Можно даже сказать, что мы, писатели-фантасты, торгуем будущим оптом и в розницу... Если принять и продолжить эту прилавочную метафору, то можно сказать, что моя книга «Консул Содружества» – одна из самых неожиданных торговых позиций в магазинчике «Зорич & Зорич». Она на несколько лет старше моей самой знаменитой трилогии «Завтра война» (которая тоже о будущем!), а значит сам я, писавший ее, был на несколько лет моложе. И веселее. И жизнерадостнее. И бесшабашнее. Пожалуй, этот ряд можно продолжить еще двумя десятками пригожих прилагательных, но, я полагаю, мессадж и без них ясен. В интервью газетам и журналам я люблю – от застенчивости – порассказать журналистам, что моя двойная личность – это не слишком важный комментарий к моим книгам, но сам-то знаю страшную правду: он важный, и хотя книгу можно понять и без него, с ним понимать куда легче. Итак, во дни «Консула Содружества» сам Зорич был куда более бойким и веселым, и драгоценные бусины этого веселья – они рассыпаны по страницам текста. «Консул Содружества» – веселая и молодая книга.

Ее главного героя, Серезу, я, как это нередко случается у писателей, писал с себя. При чем не с того себя, каким я был в свои двадцать лет, а с того, каким я хотел бы являться. Не исключаю, именно поэтому Серж ван Гримм симпатичен мне до сих пор – гармоничным, архивезучим и очень полезным Человечеству балбесом я лично так и не стал, и вряд ли стану (ну разве что в последнем пункте еще есть надежды), а вот Сергей стал и останется теперь таким храбрецом и душкой навсегда, бодро прогуливаясь по грядкам букв, карабкаясь на уступы абзацев...

Мир, в котором живет Серж ван Гримм, я тоже писал как лучший из тех миров будущего, что возможны «при сохранении текущих тенденций». Это мир глобализованного и умиротворенного Человечества, где границ между культурами не существует, где все народы и нации давным-давно выяснили отношения, помирились, пережились и обзавелись жизнеспособным потомством, где нет отдельных, стеклянными стенами отгороженных друг от друга культур – русской и немецкой, англо-американской и иранской, а есть одна большая, общая для всех культура-коммунальная-квартира, этакий «глобалистический капитализм с человеческим лицом», понятный всем (потому что простой как мать-природа) и не обременительный ни для кого. Человечество из «Консула Содружества» занято, по преимуществу, трудом и потреблением. Ни о чем особенном оно не мечтает, однако нисколько не страдает от этого, налицо «триумф маленького человека», каким, кстати, и является главный герой. И если бы не коварные инопланетяне-кроверны, жить бы этому выдуманному капиталистическому раю да поживать, добра наживать, тысячелетия и тысячелетия...

Через несколько лет после издания «Консула Содружества» я изобрел «Завтра войну». Вселенная этой трилогии в чем-то похожа на вселенную «Консула Содружества», а в чем-то – совсем непохожа. Вместо «общечеловечества» там народы – самостоятельные, самоулубленные, озабоченные каждый своим. Вместо приукрашенного капитализма – просвещенный социализм, а главный герой «Завтра войны» не «московский пустой бамбук», а «юноша

бледный со взором горящим», натура цельная и вдумчивая (собственно, таким меня лично воспитывали семья и школа в позднем СССР). Однако, в мире «Завтра войны», как и в «Консуле», в жизни человека есть место подвигу, потому что война, потому что любовь, потому что любое будущее – это будущее, где живут люди, человеки. С этой точки зрения отличия между «Консулом Содружества» и «Завтра войной» косметические, что бы там ни говорили критики, как бы ни настаивали на различиях «славянофилы» и «западники»...

Собственно, на встречах с читателями, реальных и виртуальных, мне частенько приходится отвечать на вопрос «так в какое же будущее вы, лично вы, Александр Зорич, действительно верите – в будущее „Консула Содружества“ или в будущее „Завтра войны“?». Для таких случаев у меня есть дипломатичный ответ: Настоящее Будущее будет лежать где-то посередине между двумя описанными мною вариантами, так сказать «с борю по сосенке». А тем, кто не верит, я предлагаю дожить до двадцать седьмого века, осмотреться там как следует, а затем лично опровергнуть меня с фактами на руках.

Глава 1

Рядовой второго класса

*We have the ship, and we have men,
And we have money too...¹*

Нарастающая вибрация, которая чувствовалась даже сквозь амортизированную экоброну, говорила о том, что командование все-таки решилось перейти к активной фазе операции. Крейсерский транспорт «Румба» подрабатывал импульсной тягой, в последний раз оптимизируя параметры десантирования.

Через несколько минут оптимизация завершится. Десантные катера будут катапультированы точно в яблочко – «зону L». От перегрузок в глазах померкнет свет, в ушах заревут голодные демоны смерти. Сегодня они нажрутсы досыта.

– Джентльмены! Перед нами – четыре свежих бифштекса с кровью. Командование еще не видело их в деле. А потому не считало необходимым знать их имена. Мы звали их номерами. Вы догадываетесь, о ком идет речь. Номера GAI-7036, GAI-7037, GAI-7039, GAI-7041.²

GAI-7039 – это я.

Произносится «Гай Тридцать Девятый». «Семьдесят» отбрасывают, это код батальона, что толку его повторять? Хотя надо бы не «гай», а «джи-эй-ай», как объяснил мне один коренной землянин с Лос-Анджелесских островов.

Остальные номера – рекруты моей вербовки. Два пробела в нумерации, GAI-7038 и GAI-7040, пришли в учебную роту вместе со мной.

Гай Тридцать Восьмой – стройный паренек из веганцев. Мастер был художественной резьбы по мясу, татуировки, стало быть. Изукрасил пол-учебки сиястыми русалками и свастиками. Еще девизы умел. Вроде «Порок – это удовольствие, которое не надоедает» или «Бог – это победа!». Тридцать Восьмой был старше меня на два биологических года. Расстрелян за трусость перед лицом условного противника, проявленную во время учебной тревоги.

Гаю Сороковому по удивительному совпадению было ровно сорок лет – баснословный возраст даже для бронесил, не то что для штурмовой пехоты. Погиб во время тренировочного десантирования на Альфанге.

Официальная причина гибели – разгерметизация экоброни. Ходили слухи, что он поднялся в полный рост на ползковом треке, прямо под практическими пулеметами сержантской команды. Зачем он это сделал?

– Номер GAI-7036!

– Сениор! Номер GAI-7036 здесь, сениор!

– Назови свое полное имя.

– Сениор! Антонио Страда, сениор!

– Вы слышали, джентльмены? Поприветствуем Тони, самого тяжелого бойца в рядах правительственной штурмовой пехоты!

Захлопали и засвистели довольно оживленно. Рядовой первого класса Зигфрид Рунге выдудел из своей губной гармошки что-то мажорное.

Вообще-то играть Зигфрид не умеет. Даже «хэппи бэздэй ту ю» без фальши не изобразит. Да и гармошка та еще. На Марсе в похожие штуки дуют обычно болельщики на метабольных матчах. Звук – тошнотворнейший.

¹ И корабль у нас, и люди. Даже деньги есть у нас... – песенка английских шовинистов колониальной эпохи.

² GAI – Government Assault Infantry (классич. амер.), Gavmen Asolt Infantri (шутерл.) – правительственная штурмовая пехота.

– Номер GAI-7036!
– Сениор! Номер GAI-7036 здесь, сениор!
– Отставить «номер». Отныне ты – рядовой второго класса Страда. Для меня и для нашего взвода – Тони Сицилия. Твой позывной – Этна. Введи новые данные в милитум. Пароль доступа – один-девять-восемь-ноль-ноль-четыре-семь-семь.

– Сениор! Так точно, сениор!
– Без первого «сениор». Понял? Повтори.
– Так точно, сениор!
– Номер GAI-7038!
– Сениор! Номер GAI-7038 здесь, сениор!
– Назови свое полное имя.
– Сениор! Чентам Делано Амакити, сениор!

– Поприветствуем рядового второго класса Амакити, джентльмены! Клянусь шевронами, это самый молчаливый пехотинец в Пространстве! Теперь ты – Чен Молчун. Твой позывной – Меч-рыба. Введи новые данные в милитум. Пароль доступа – один-девять-восемь-ноль-ноль-четыре-семь-семь.

Пароль был такой же, как и у Тони. Интересно, все сержанты такие ленивые или только наш? Наверное, и мой пароль...

По поводу Амакити у взвода особой реакции не было. Он с самого начала держался очень замкнуто. Только один раз, когда Заг прицепился к нему с расспросами «насчет вест-японских баб, у которых, говорят, это дело поперек», Амакити соизволил сказать нечто неуставное.

Заг хотел было применить свое излюбленное оружие – кулак размером с голову. После чего выхватил от вест-японца мировых пенделей. Только боязнь разбирательства на уровне полка удержала Зага от того, чтобы обратиться в госпиталь. Два треснувших ребра он зарацивал походя, как собака.

Теперь моя очередь.

«Номер!»

«Сениор-твою-мать, раздолбай номер такой-то, твою-мать-сениор...»

«Имя!»

«Серж ван Гримм, прозванный марсианскими девочками Страходуем, а за что – не скажу».

Как обычно, короче.

– Серж ван Гримм, для тебя я припас пару особых слов. Скажу честно: лучшее, что ты можешь сделать, – подставить свою цельнолитую башку за своего командира. Тогда тебе повесят посмертный «Огненный Крест», а матушка твоя получит правительственный пансион и будет ходить на золото всю оставшуюся жизнь. Потому что твои геройства из личного файла наводят меня на интересные мысли. Думаю, трибунал тебе обеспечен...

Тут включилась ротная связь. Поток сержантских пророчеств благополучно прервался, и в наушниках зачирикал наш лейтенант. Двухминутная готовность, вот ведь как, оказывается.

– Рядовой второго класса ван Гримм!

– Я, сениор!

– Поговорим позже. Будешь Сержем. Прозвище можешь выбрать сам. Быстро!

– Сениор, я полагаю, вы правы, сениор. Трибунал мне обеспечен, сениор. Самое подходящее прозвище для меня – Висельник, сениор!

Кое-кто из наших позволил себе тихонько реготнуть.

– Отставить! В моем отделении не было и не будет дохлятины! Пусть у Феликса служат разные «зомби», «лазари», «вурдалаки»! У меня в отделении – крепкая закваска! Мне нужны живчики! Барракуда! Ты понял меня? Серж Барракуда! И чтобы в бою ты дрался так, как дрался в учебной роте! Двадцать две потасовки! Вы слышали, джентльмены?! Этот моральный

урод однажды разогнал семерых танкистов! В одиночку! И чем?! Обломком антенны, который он вывернул из танковой башни! Он спасся от распыла только потому, что все семеро жестянщиков были под кайфом! Дознавателям оставалось только развести руками! Барракуда!!!

– Я, сениор!

– Если ты просрешь та-акое прозвище, я отправлю тебя в линейную пехоту! В дезактиваторы! В говнососы! Трапперов гонять! Ты понял?!

– Да, сениор! Благодарю за доверие, сениор!

Позывные четвертого свежеиспеченного рядового по имени Георгий я прослушал, потому что возился с милитумом своей экоброни. Пароль был тем же самым, что у Антонио-Тони и Чентама-Чена. Один-девять-восемь-ноль-ноль-четыре-семь-семь.

Лазерный проектор выбросил на внутреннюю поверхность смотрового окошка экоброни, справа, полную информацию по взводу.

Нас – двадцать три. У Георгия позывной – Пальма, у меня – Клык.

Надо полагать, Георгий получил прозвище Джо Папуас.

Ага, точно – его и получил. На что еще могло хватить фантазии нашего сержанта? Правду говорит народная мудрость: «Кто в армии служил, тот в цирке не смеется»...

– Захлопнуть шлемы!

Укол в шею – это экоброня ввела стимуль – и сразу же вслед за ним – обмотки магнитной катапульты аж взвизгнули! – мы начали! – мы начали! – пошли! – маааааааа!..

* * *

Это позже я узнал, что график операции пополз по швам, когда наш катер, наши крохотные по меркам воздушно-космических сил «Пунцовые губки» в первый раз поцеловались с атмосферой Глокка.

А тогда, под семикратной перегрузкой, разглядывая в дюйме от своей переносицы стайку размазанных ускорением инфузорий пси-происхождения и вслушиваясь в рев демонов смерти, – что я мог знать? Что я мог знать, если даже имя свое от страха позабыл?

Потом подействовал стимуль.

О! Я – тигр! Я – орел! Я – барракуда!

Барракуда? Да-а!..

Серж Бар-ракуда!.. Супер-Барракуда!.. Мега-Барракуда! Барракуда форевер!

Я скорее всего запел. По крайней мере рот мой был широко распахнут. И очень зря. Зубы мои лязгнули так, что пол-языка могло бы остаться в аккурат на смотровом стекле.

Ничего, язык у меня крепкий...

– Пошли!

Ох и красиво же раскрывается десантный катер! Будто бутон лилии или какой другой розы-мимозы. Только побыстрее, побыстрее...

Поднялись керамитовые плиты, кое-где присобираясь гармошкой, кое-где проворачиваясь-доворачиваясь и вытягиваясь по сторонам вверх. Как лепестки.

Одновременно с этим выплеснулись вверх на телескопических мачтах и сориентировались по сторонам света ракет-автоматы – наше непосредственное прикрытие. Точь-в-точь – тычинки с увесистыми коробочками пыльцы.

Потом шесть секций десантного отсека вывернулись из нутра «Пунцовых губок», и все мы посыпались в близкую изумрудную траву с экзотическим синеватым проблеском.

Это заняло меньше пяти нормативных секунд. Вокруг нас на почтительном удалении уже бушевал огонь. Вырезанные низовыми взрывами грандиозные пласты матерого дерна, теряя на лету ключья пылающей травы, подымались в воздух. Переворачивались. Разваливались на куски. Осыпались пылью.

Значит, ракет-автоматы не засекали противника в непосредственной близости и ведут типовой заградительный огонь. На всякий случай.

Глидеры автоматически включились и подстроились под высоту здешней травы.

Я обнаружил, что весь наш взвод болтается где-то в метре над самыми высокими выстрелами местных одуванчиков с такими пушинками, что из них можно было бы делать парашюты для хурманчей и других лилипутских псевдогуманоидных рас.

Я тоже болтался там вместе с остальными. Как кусок говна.

– Глидерам – минус пять! – приказал лейтенант.

Его слышал весь взвод, но сержанты все равно отрепетировали приказ.

Разумно. Даже я – сопля зеленая, скатий десерт, салабон – понимал, что разумно.

«Одуванчики» здесь росли довольно редко. Несмотря на внушительные размеры этой оголтелой травки, я бы не сказал, что за нею можно заподозрить особую крепость. На моих глазах Чен Молчун сшиб головку одного из одуванчиков ленивой отмашкой глидера.

Похоже, даже на большой скорости столкновения с этими одуванчиками ничем не чреват. Для нас. А для местной флоры – извините.

Итак, мы все переместились на пять метров вниз. Чем ниже пойдем – тем больше у нас шансов добраться до Копей Даунинга живыми. А то ка-ак саданет стрекошвейка...

Ракет-автоматы прекратили пальбу и настороженно замерли.

Далеко за горизонтом ухало посерьезнее. Судя по зарницам, работал Флот Большого Космоса³ – фрегаты, а то забирай и покруче.

– Посмотрите направо, джентльмены. Посмотрите налево. Посмотрите куда угодно. Седьмая эскадра ведет плановую огневую работу по изоляции «Зоны L». Сквозь такое пеклище не смогут прорваться не то что турбоплатформы, даже червь-танки кровернов! – Сержант Гусак был на подъеме.

Интересно, опытным воякам тоже вкальвают стимуль, или их уже безо всяких стимулей колбасит, по привычке?

– Только что пришел приказ из батальона, – это уже был лейтенант. – Действуем согласно плану. Отделение Альфа разворачивается на правом фланге и идет строем «коса», курс двести пять, скорость сто пятьдесят. Отделение Бета – левый фланг, строй фронта, курс двести, скорость сто пятьдесят. Огневая секция – строго за отделением Бета. Движение начинать по моей команде. Огонь открывать либо по моему приказу, либо в ответ на огонь кровернов. Стреляйте только по ясно различимым целям. Денек будет длинный. Как поняли?

Поняли, поняли. Кому-то денек будет длинный, а кому-то – до первого термита...

Вскоре мы уже мчались вперед, за считанные мгновения оставив развороченную ракет-автоматами полосу за спиной. Антигравитационные ботинки, они же – глидеры, они же в некоторых батальонах – «коньки», тащили нас в проклятушую неизвестность.

И хотя неизвестность эта выглядела как залитая оранжевыми лучами солнца саванна, на душе у меня все равно скребли кошки. Очень большие тигрообразные кошки с налитыми кровью глазами.

Признаться, я бы предпочел оказаться в огневой секции, за спинами долдонов сержанта Феликса из отделения Бета. Тех самых, с загробными погремухами: Зомби, Эль-Дьябло, Крюгер, Лешак...

Но, к сожалению, при всех моих поддавках на тестировании мне все-таки насчитали повышенный коэффициент общего развития. К нему добавился удвоенный рейтинг агрессивности. А это значило, что долбаный номер GAI-7039 достоин почетного места в долбаном отделении смертников Альфа.

³ Флот Большого Космоса – собирательное название ударных сил Космофлота (КФ), состоящих из крупных боевых кораблей большого радиуса действия.

Альфа всегда впереди. Альфа лучше всех.

Альфа наносит удар первым!

Если только коварный враг сам не ударит в спину стрелкам огневой секции и отделению Бета. Но такое случается редко. А потому солдаты из альфа-отделений – это семьдесят процентов потерь любого взвода. Неплохо, да?

На такой скорости пейзаж не успевает наскучить. Мы проскочили равнину с «одуванчиками» за несколько минут.

За нашей спиной грузно валились в траву огромные семена-парашютики, а мы уже перескочили через гряды безлесых холмов. Я ахнул от восторга.

Спору нет – это было красиво.

ВАС ОТВЕЗУТ В КРАСИВОЕ МЕСТО.

ВАМ ДАДУТ ОРУЖИЕ, ВЫ ВСТРЕТИТЕ ДРУЗЕЙ.

ВЫ БУДЕТЕ СВОБОДНЫ.

АРМИЯ – ЭТО СВОБОДА.

Агитка лгала: армия – это каторга. Друзей не будет. Выбирать за тебя будут сержанты. Но в красивое место тебя все-таки притащат.

Озеро. И немаленькое. Налево и направо оно тянулось почти до самого горизонта. На противоположном берегу виднелись несколько оранжевых черепашек. «Геодезическая станция», – вспомнил я.

Благо вспоминалось легко: навигационная подсистема милитума регулярно комментировала местность. В полном соответствии с базой данных и той информацией, что поступала от бортовых сенсоров и внешних источников по каналу Оперативный Штаб – батальон – рота – взвод. Компьютер моей экоброни видел местность не хуже, а пожалуй, и лучше, чем я сам.

Но геостанция это ерунда. Главное – лес.

Деревья с раскатистыми плоскими кронами высотой метров под семьдесят напомнили мне картинку с замшелого диска, который я во время оно раскопал в дедовском барахле. Кажется, она принадлежала художнику эпохи Раннего Освоения, но, возможно, я путаю с Ранним Возрождением.

На картинке был вот такой же точно лес, даже ракурс и освещение показались мне знакомыми. Тогда, в детстве, я чуть не расплакался – до этого я не встречал ничего прекраснее. Кроме девочек, конечно.

Девочки у нас в нулевой школе попадались очень хорошенькие. Прямо секс-мутантки какие-то. Половое чувство во мне проснулось лет в пять.

Но, возможно, лес был прекраснее даже моих одноклассниц. По крайней мере в памяти моей все перемешано: золотистые прядки Мишель, загорелые лягвии Яси, худенькие предплечья Клариссы и густо-зеленые облака листьев на узловатых ветвях толщиной с женский торс...

– Повторяю: скорость – ноль, все на грунт! Барракуда, тебе что, персональное приглашение выслать, говорящей открыткой?

Только теперь я сообразил, что успел изрядно удалиться от берега. В то время как пунктир красных точек, обозначающий на лазерном планшете моих корешей-по-оружию, замер вдоль кромки воды.

– Виноват, сениор! Похоже, связь барахлит!

Я поспешно повернул назад и бухнулся в мягкий песочек. Что такое, почему остановка?

– Я тебе устрою «барахлит»! Я же тебя до последней косточки вижу! У тебя все работает, как Солнце!

В сержантской экоброне есть дополнительный экранчик, где написано и про наше здорovie, и про работу нашей простой солдатской экоброни. Гусаку лучше не врать, а то можно попасть под циркуляр «О сознательном саботаже перед лицом врага».

Этот документик в последнюю войну работает, что твоя циркулярная пила. «Вжжжик» – и голова с плеч.

– Сейчас появятся «Фалькрамы», – сообщил сержант Гусак. – Советую всем включить полные фильтры, а новеньким – заткнуть задницу.

Фильтр я включил, два раза просить не надо было. Хоть я и салабон, но что такое «Фалькрамы», знаю.

Как и положено настоящим штурмовикам, «Фалькрамы» появились практически бесшумно. Даже когда они пролетали прямо над нашими заткнутыми задницами, я не услышал ничего, кроме едва уловимого гудения.

И исчезли все три сквада штурмовиков практически мгновенно, уйдя свечкой вверх и с разворотом через две «полубочки» – назад, туда, откуда явились.

Они улетели, освободившись от боезапаса, составлявшего половину их полетного веса. Всего лишь несколько секунд потребовалось кассетам, чтобы щедро разбросать бомбы. Тем временем из-под оранжевых куполов геодезической станции потекло нечто блестящее.

Не потекло, это мне только показалось, что потекло. Фильтр мешает. На самом деле – побежало.

Пресловутые термиты кровернов, многоцелевые роботы размером с собаку.

Там все-таки была засада! Может, весь лес ими кишмя кишит. Молодцы штабисты, предусмотрели, держали наготове тяжелую авиацию!

А на том берегу... На том берегу!..

Если бы лес был нарисован на стекле и потом кто-то пшикнул на картинку плавиковой кислотой... Или если бы стекло швырнули в кипящую сталь...

Все, что я видел, стремительно *потекло* вниз, растворяясь в жирном фиолетовом тумане. Потом силуэты деревьев подросли. Превзошли почти вдвое свою первоначальную высоту. И исчезли в жарком мареве.

Озеро пыхнуло клубами пара, будто в него уронили уголек размером с астероид.

Милитум запиликал и сообщил, что температура воздуха близка к критической. Он, видите ли, вынужден задействовать дополнительное охлаждение. Казалось, мне прямо в позвоночный столб заливают жидкий гелий. Ноги чуть не отнялись.

Однако уже совсем скоро я почувствовал себя как в сауне. Морозилка экоброни работала вовсю, но даже ей приходилось нелегко. Если бы у меня в руке была сырая индейка, на тот берег озера я принес бы уже жареную.

Хорошо, что индейки не было. Все равно пожрать мне бы не дали, пришлось бы выбросить.

И хорошо, что «Стил Скин Девелопмент» – проверенная фирма. Подозреваю, экоброня «Дженерал Урал-Мадрас Моторз» скисла бы вместе со своим содержимым.

Фиолетовый туман удивительно быстро выпал на землю черными хлопьями. Коагулировал, значит. Водяной пар резво раздергало по сторонам сильными порывами ветра.

Геостанции больше не было. Термитов – не было. И леса тоже. Вообще.

Земля, на которой лес стоял, – и та исчезла. Озерная вода, стремительно замутняясь от тяжелых спекшихся крупиц того, что раньше было лесом и почвой, заполняла новое ложе.

Ложе было неглубоким, но просторным.

Пейзаж адский, просто адский.

В агитационном ролике вербовщиков не помешали бы, пожалуй, такие слова:

ВАМ ПОКАЖУТ КРАСОТУ И УБЬЮТ ЕЕ НА ВАШИХ ГЛАЗАХ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ?

ПРЯМО НА ВАШИХ ГЛАЗАХ!

Путь был свободен.

Через одиннадцать минут отделение Альфа вышло к объекту атаки, то есть к Копям Даунинга. И атаковало его.

Промышленный объект, занятый противником, – это страшный сон любого офицера штурмовой пехоты. Нельзя вызвать штурмовики, чтобы они стерли с лица земли проклятые сортировочные блоки и стоящие под погрузкой челноки кровернов. Танкам нельзя стрелять на полную мощность – можно уничтожить ценнейшее сырье, из-за которого затеяна вся операция.

К тому же в индустриальном лабиринте любой безвредный кибермех сослепу сойдет за боевого робота противника. Расстреливать приходится каждую подозрительную железяку. А ведь после неаккуратной стрельбы на тебя то и дело норовит завалиться башенный кран!

И наконец, в любое мгновение ждешь грандиозного взрыва. Кто знает, как поведут себя кроверны? Почему бы им не взорвать свой корабль вместе с половиной местного плюгавого континента?

Почему бы им, в конце концов, не растормозить любой из промышленных реакторов? Почему не удрать, предоставив выжечь эту фабрику «однодышащих» своим планетарным крейсерам?

К счастью, нас было много. Только для боя непосредственно в Копях Даунинга командование выделило больше дюжины взводов.

Были и танки. Эти, впрочем, не столько воевали, сколько стояли на стреме. Оно понятно: танк в промзоне – что слон в посудной лавке.

Мы выходили к Копям одним из самых длинных маршрутов. За это время с севера, запада и востока к ним успели уже подойти взводы других ударных рот нашего батальона.

Это было что-то! Громадный по площади, но сравнительно скромной высоты купол, накрывающий всю производственную территорию. В куполе здесь и там – преизрядные дырки.

Число дырок стремительно росло. В промзоне шел бой.

Когда кроверны внезапно обрушились на Копи, охрана и рабочие все-таки оказали сопротивление. Судя по обрывочным сообщениям, которые они успели выплюнуть через запасной узел связи, им даже удалось завалить несколько скатов. Я в это не очень-то верю, но если все-таки удалось – честь им и слава.

Но самым главным были не убитые скаты, то есть кроверны. А то, что примерно триста человек персонала смогли собраться в пределах аварийного контура. Аварийный контур – это вместительный герметичный бункер, который любая компания обязана строить на внеземном промышленном объекте.

Случаи-то разные бывают: землетрясение, радиоактивная опасность, вирусы, неразумные хищные существа, которых в свое время проморгала биоразведка. О, какие бывают хищные существа! Очень неразумные и ужасно прожорливые...

Итак, нашей целью было уничтожить противника. Это первое.

Второе: принять тяжелые транспортные катера, которые вывезут отсюда иридиевый концентрат и прочие вещички подороже золота.

Третье, самое щепетильное: эвакуировать из аварийного контура тех, кому повезло пережить оккупацию.

План Копей Даунинга был введен в наши милитумы с точностью, доходящей до абсурда. Более того: для каждого из нас были расписаны основной и пять-шесть запасных маршрутов движения с вариантами перехода с маршрута на маршрут.

И даже более того, джентльмены! Штаб проанализировал и забил в милитумы все потенциальные опасности, которые должны подстергать солдата по мере прохождения им своего маршрута...

Мы вломились под купол Копей Даунинга через свежую дымящуюся дыру размером с танкодесантный катер. Дыру пробили пушки бронированных монстров из знаменитого батальона «Крестonosцы».

Все по плану. Вот он – мой основной маршрут!

Узкий проход между двумя шагающими погрузчиками. Я хотел было рвануть прямо в него на полной скорости, да милитум намекнул, что надо бы садануть по кабинам обоих шагоходов.

Тоже дело. Подаю команду голосом.

Я привык голосом, а многие пользуются так называемым пальцеванием. Выходит чуть-чуть быстрее, зато голосом – надежнее, да и навыков особых не нужно.

Из спинного обтекателя экоброни выдвигается и подлазит в аккурат под правую руку мое штатное стрелковое оружие – реактивный автомат «Сюздаль».

Скорость активной пули, выпущенной из этой штуки, такая, что все три центнера экоброни вместе с пехотинцем должны из-за отдачи улетать на полкилометра. Либо, если стрелять от бедра, правую руку отрывает на хрен, вместе с ключицей.

Кстати, бывали случаи.

Но чтобы случаи такие бывали редко, в амортизаторе «Сюздали» при каждом выстреле происходит микровзрыв и реактивная струя бьет из-под правого локтя стрелка, компенсируя энергию пули.

Потому и называют «Сюздаль» реактивным автоматом. А вовсе не потому, что она стреляет ракетами, как полагают некоторые репортеры. Пустобрехи, мать их так.

Два одиночных выстрела. Кабины погрузчиков разносит вдребезги.

Активная пуля – это вам не какая-то дурацкая «ракета». Это подлинная квинтэссенция смерти, как говаривал наш лейтенант. Знать бы еще, что такое «квинтэссенция».

Что дальше, милитум?

Сто метров вперед.

За погрузчиками – остановка.

Четыре термита.

Стреляю, сразу ухожу влево вверх. У этих уродов отличная реакция, но сервоприводы вертикальной наводки отстают от систем наведения.

Нас так учили. Но передо мной, кажется, усовершенствованные модели.

Луч – точнее, сверхтонкая струя – кислотного лазера впивается мне в левую ногу чуть пониже колена. Так быстро?!

Завывает «Сюздаль».

Взмывают куски термитов попеременно со страховидными ошметками черно-желтой металлической конструкции. Один из них проходит совсем близко от моей головы.

Сразу же падаю на землю. Еще не хватало, чтобы на уровне складских крыш стрекошвейка на мне крестики вышила. Рожденному ползать лучше летать пониже.

Экоброня спешно латает дырку. Это плохо.

То есть хорошо, что латает. Но очень плохо, что мне досталось при первом же огневом контакте. В этой операции запас регенератива нам снизили до минимума. Вместо этого добавили по два навесных аккумулятора и вибробур.

Командование успокаивало: кровернов на заводе мало, активность низкая! Вражеские подкрепления к Копям Даунинга не пройдут! Их не пропустят отряды огневого контроля Седьмой эскадры, «Фалькраны» и «Спаги». А вот повозиться с эвакуацией людей из подземного аварийного контура придется, да. И вибробуры будут там полезнее, чем целые баки регенератива.

Что верно то верно. Когда подали горячее, регенератив нашему взводу не потребовался.

Самое противное – я не знаю, дошел луч-струя до самой ноги или нет. Экоброня могла сразу же заблокировать мою нервную систему вокруг участка поражения. Так делается, чтобы пехотинец вместо распускания соплей продолжал бой.

Пальцы на ноге шевелятся вроде. И на том спасибо.

Дальше маршрут проложен вдоль трубы в два моих роста. Здесь рекомендовано перевести глiders в режим пешей ходьбы, жаться к трубе и смотреть в оба.

Иду. В наушниках – обычная боевая трепотня. Пока вроде все нормально.

На трубе написано:

Держитесь правой стороны

Пересекать желтую черту запрещено

Охраняется ракет-автоматом

Эге. А желтой черты что-то не видать. Параллельно трубе, на расстоянии метров эдак в пятнадцать, тянутся однотипные черные кубы без окон, без дверей. Между кубами – узкие проходы. Сквозь них видно, как кто-то по кому-то стреляет.

В воздухе вспыхивают трассы от активных пуль. Скорость у них такая, что след в любой атмосфере видно – воздух ионизируется и слабенько так искрит.

Ясно, эти кубы – какие-то химические блоки скорее всего. Секретные?

На матовой поверхности одного из кубов – длинный свежий потек. Микротрещина? Какая дрянь из нее подтекает?

И где же обещанная желтая полоса?

Тут только я замечаю, что желтая полоса все-таки есть. От нее осталось не сказать чтобы очень много. Нет-нет да и проглянет тусклое пятнышко, еле различимое на темном полимериде.

Почему *так*? Кажется, здесь произошла маловразумительная реакция. Некая жидкость вытравила напрочь краску, которой была нанесена желтая полоса.

В голове мельтешат неоформленные мысли о всякой химии, в которой я разбираюсь как прозектор в косметической хирургии. Вспоминаю некстати, что кроверны иногда используют при климатизации планет так называемые химические реакторы.

Кроверны – короли планетарных преобразований. Мы тоже это умеем, но у кровернов подход покруче.

На образцовую климатизацию Марса Содружество потратило восемьдесят лет. Наши двоякодышащие недруги сварили Эсквемелин за десять стандартных суток.

Говорят, кроверны могут «просчитать» целую планету. С ядром и мантией, плитами континентов и океанами, вулканами, горами, впадинами и ледниками. И якобы благодаря этим своим расчетам кроверны знают, как одним пальчиком разрушить на планете прежний экобаланс. На всей планете! И устроить новый, по своему вкусу...

Много думать вредно. Здоровенная «мамаша» выпрыгивает из прохода между двумя кубами. Да так неожиданно, что задумавшийся о премудростях химии салабон Серж ван Гримм даже не успевает как следует перетрухнуть.

Любопытно: проход таки охранялся ракет-автоматами. Но самое любопытное: они были включены!

Кто и когда привел их в действие – знать не знаю. Может даже статья, что их никто не включал, а кровернам просто не хватило ума их выключить. За целую неделю? Сомнительно.

«Мамаша» поймала сытный заряд, разваливший ее на куски прямо в воздухе.

Лохмотья неопрятной, хлюпающей плоти завалили меня с ног до головы. Слабенькие разряды затрещали между металлизированным костяком монстра и трубой.

А вот если б эта улисточка была, так сказать, в сборке, меня ожидал бы мегавольтный электрический разряд.

Не могу сказать, что экоброня на это не рассчитана. Я, пожалуй, немного еще потрепыхался бы. Но что бы я делал в тяжелой мертвой скорлупе, у которой отказала вся энергетика?

Успел бы, наверное, пару раз матернуться. А потом крепкий, как закрылки «Фалькрама», клюв меоравиоля отыскал бы слабое место в моих умерших доспехах...

Меоравиоль – так «мамаша» называется. Но кто же это выговорит?

Дальше – больше. Вслед за электрическим моллюском из прохода выскочил... человек. И никакой ракет-автомат его не срезал.

Просто – человек. Не штурмовой пехотинец.

Он был одет в рабочий комбинезон, густо замазанный кровью и, кажется, содержимым этих перегонных кубов. Комбинезон аж дымился.

Да на нем даже перчаток не было, не то что экоброни! Впрочем, левая кисть отсутствовала, что снижало потребность в перчатках ровно вдвое.

Неизвестный герой довольствовался легкой кислородной маской. В правой руке он держал ажурное железное бревно. За бревном волочился шланг толщиной в три пальца.

Кому, как не мне, бывшему монтажнику-подводнику, было узнать в этом варварском агрегате сварочный плазмомет старой модели! Отличная штука. Можно скалы резать, можно при должной квалификации консервы открывать.

Изредка применяется и по прямому назначению. А сегодня вот оказалось – в качестве импровизированной замены ракет-автомата тоже сгодится.

Мужик – а это был, конечно, здоровенный, смуглокожий мужичара, иначе как бы он уволок в одной руке эту хреновину? – подковылял ко мне.

Я показал ему большой палец. Молодчина. Спасибо. Ты – номер один. Я твой должник. Двойной бурбон – за мой счет.

Он что-то орал и вид имел скорее гневный, нежели обрадованный спасением жизни правительственного штурмового пехотинца. Что за язык такой?

Милитум осведомился, требуется ли перевод. Он еще спрашивает!

«Язык – испанский. Встречаются слова из индейского языка „киче“, – сообщил милитум. Какого еще, к черту, „киче“?»

– Уматывайте! Быстро! Тут никого нет! Никого! – орал мужик на этом самом языке.

С виду вроде не сумасшедший. Как же это – «никого нет»? А он кто? Да если кроверны позволили разгуливать здесь персоналу Копей, так, может, и все остальные уже на поверхность вылезли, а?

– Сейчас всему крышка! Тернарный компонент потек! Ты что, не видишь?! – Он гневно завращал глазами, тыча своей железкой прямо под ноги.

Тернарный компонент чего? Я, конечно, олух, но, по-моему, для крупных неприятностей нужны еще по меньшей мере два. Два компонента, два других сорта химического дерьма. Иначе какой же он «тернарный»?

– Объясни внятно! – рыкнул мой речевой синтезатор на испанском. – Кто ты? Что здесь происходит?!

Мужчина наконец скумекал, что лучше перейти на интерлингву.

– Офицер биологической безопасности Чака Дюмулье. Вчера они прорвали контур. Здесь все не так, как вы думаете. Людей больше нет. Последние передачи были не от нас, это обман кровернов. Мы ничего не могли сделать. Шибальба!

– А что компонент?

Дюмулье аж зарычал от злости. Кризис коммуникации у нас наметился, значит. Не петрит ничего собеседник. Ка-акой тупой солдафон попался, это ж надо!

– Им не нужен иридий, – просипела его кислородная маска. – На Копях их интересовали только синтез-машины. Благодаря нашей трофейной технике кровернам не пришлось завозить почти ничего своего. В синтез-машинах, – Дюмулье кивнул на черные кубы, – уже наработаны реагенты. Осталось меньше часа. Возможно – минуты. И кроверны начнут климатизацию. Но неуправляемая климатизация будет прямо сейчас, потому что я выкрутил пару предохранителей.

– Вы понимаете, что подставили по меньшей мере восемьсот человек?

– Откуда же я знал о вашей операции? Я думал, что убью сотню кровернов и целую армию термитов. Я вывернул предохранители. Вышел из аппаратной. И тут раздались первые выстрелы. Да я понятия не имел о вашем десанте! Я думал, что честно исполнил свой долг.

– До того, как идти в аппаратную, вам следовало бы задержаться на одну чашечку кофе. Дюмулье не улыбнулся.

– Я выполнял свой долг, – повторил он.

Ага. Это типаж. Герой-самоубийца. Умираю, но не сдаюсь типа.

Впрочем, его можно понять. В самом деле, сам факт операции был строго засекречен. Не говоря уже о точном времени.

Он думал – кровернам удастся уйти от возмездия. И сам решил стать карающим мечом.

– Можно ли вернуть предохранители на место?

– Уже поздно. Компонент потек.

Мое дело – не думать, а доводить информацию до командования.

– Альфа-один, вызывает Клык! Вызывает Клык! Повторяю: Клык на связи. Бета, Кси: кто меня слышит?

Ни гугу. Я расширил диапазон до батальонного уровня. Имею право – информация экстренная.

Вот будет сейчас климоклазм... Вот окажусь прямо в эпицентре... Ураганный ветер – сильнее того, что был в дни творения, – отделит кожу от мяса, мясо от костей. Разберет меня по кусочкам. Растреплет по всей планетке.

Но если мое сообщение засекут в штабе – «Огненный Крест» мне гарантирован. Посмертно, конечно.

И матушка моя, по меткому замечанию сержанта Гусака, будет всю оставшуюся жизнь ходить на золото. Даром что она майор специальных сил и получает от правительства такие

бабки, рядом с которыми компенсация за непутового сынка-рядового просто не угадывается... пара фаршированных омаров и шубка-шар от престижного модельера...

– Взвод-два рота-один вызывает батальон. Всем, кто меня слышит. Всем, кто меня слышит!

А никто не слышит.

Ну и дела...

Может, всех уже того?

Ума хватило – запустил телезонд. Это мои запасные глаза, уши, а если повезет – то и язык.

Ясно же, что эфирная обстановка в таких местах может быть любой степени говенности. Да и кровернам уже пора было глушилки включить.

Телезонд повис под арматурой поврежденного купола и сообщил, что приступил к сканированию.

Ну наконец-то. Отозвались. Оказалось, мой разговор с Дюмулье слушал Гусак.

Интересно только, как он нас слышал, если я только что докричаться не мог и до батальонного начальства? А, не чешет. Значит, у меня на выход все работало нормально, а коротковолновый вход был перекрыт. Может, электрический кусок «мамаша» что-то не то закоротил, я же себя со спины не вижу.

Ну, прекрасно. Гусак в курсе, лейтенант в курсе, эдак скоро и до Оперативного Штаба дойдет. В любом случае – не пришлось пересказывать всю историю с начала. Наверху, как оказалось, уже жутчайший переполох.

Соображали там, впрочем, на удивление быстро. Итак, приказ номер раз: все прочь с площадки синтез-машин. Зарыться в землю, да поглубже!

Меня просить два раза не надо было.

Я приказал Дюмулье выбросить плазмомет и вцепиться в меня покрепче.

Он расстался со своим оружием весьма неохотно. Думаю, если б был уверен, что длины шланга хватит – оставил бы при себе.

Глидерам пришлось малость поднапрячься. Мы – я и пристроившийся на моей левой ноге как орангутанг на пальме Дюмулье – взмыли над трубой.

Я скосил глаза вправо, изучая тактическую разметку, спроецированную милитумом на смотровое стекло. В тяжелую годину климоклазма я буду рад сдохнуть вместе со своими задушевыми корешами: Загом, Зигфридом и Гусаком.

Ага, вот и они. Скучились в районе второго вентиляционного ствола.

Ох, что я увидел, пока летел!

Наша пехота сновала над заводом целыми стаями. Мне, похоже, достался один из самых глухих маршрутов – возможно, как новенькому. Потому что в основном наши работали секциями по три – пять человек.

И сейчас все эти секции спешили убраться от синтез-машин подальше.

Я прошел на бреющем полете над сворой неподвижно замерших термитов. Как новенькие – только черные. Это потрудились плазменная пушка, главный козырь огневых секций.

А вот кому-то из наших не повезло. Голова отдельно, тело выдавлено наружу через трещины в экоброне. Внутренний взрыв.

Интересно, чем это его так?

Оставшийся без хозяина «Сюздаль» носился как заводной, стучаясь с оглушительным звоном о штабеля швеллеров.

В «Сюздале» закоротило разделитель стрельбы. Автомат плевался реактивными струями, но не стрелял.

Вот это ярость, я понимаю.

Тут-то вибробуры и пригодились.

Когда я подлетел к своему отделению, то обнаружил, что под фундаментом свинофермы – да-да, там была свиноферма, рабочие Копей не желали жрать консервы! – под фундаментом уже выкопан великолепный бункер. В него-то мы с Дюмулье и занырнули.

– Это он? – осведомился Гусак.

– Ясный перец... эхм, виноват... Так точно, сениор!

Гусак смерил Дюмулье взглядом.

– Лучше бы вы, офицер, не аппаратную захватили, а узел связи, – проворчал он. – И растолковали нам что к чему.

– А вы-то сами узел связи захватили? – парировал Дюмулье.

С моей точки зрения, разговор был исчерпан.

Ан нет. Сержант утащил Дюмулье в глухой уголок и стал у него что-то потихоньку выпытывать, отключив передатчик. К моему удивлению, не прошло и минуты, как к ним присоединился возникший словно из-под земли капитан.

Капитан, джентльмены! Капитан Рафаил де Веракрус собственной персоной! Похоже, командование жаждало от Дюмулье новых откровений.

Тем временем Тони Сицилия посвятил меня в дела наши скорбные.

Эвакуировать нас просто не успевали. И судя по всему, не очень-то хотели. Мы прилетели сюда не для того, чтобы сразу дернуть обратно, а чтобы вывезти вещички подороже золота.

Бой за взлетную полосу другие взводы закончили вот только что. И теперь, несмотря на угрозу климатоза, хапали все, что только можно было захватить.

А челноки кровернов пришлось сбить при попытке к бегству. Жаль, конечно, – в идеале их тоже следовало бы захватить.

Кроме того, наверху не желали мириться с тем, что целая планета превратится в бурлящее варево из гиперактивных биохимических компонентов и вторичных реагентов. Глокк считался очень перспективной колонией.

Так что вместо эвакуации командование придумало кое-что покруче – термическую обработку. Будь нам заранее известно, что кроверны сумеют использовать наши синтез-машины в своих целях, с этого следовало бы начинать всю операцию.

Кто успеет быстрее – «Фальккрамы» или неумолимо растущее давление, которое вскроет емкости с остальными двумя компонентами тернарной смеси?

Чтобы штурмовики смогли влететь прямо на территорию завода, танковые пушки полностью размолотили северный и южный скаты купола. Стеклопластик испарялся огромными кусками – от каждого выстрела ухало так, что ходила ходуном земля под ногами.

Хорошо, что все свиньи на ферме сдохли еще во время нападения кровернов. Отравились местной атмосферой из-за разгерметизации купола, а может, от страха окоचурились. Не то от их свинячьего визга мы бы все там на месте и чокнулись бы, точно говорю. Я сам хотел визжать, как резаный – так страшно было.

Не хочу «Огненный Крест»! Хочу домой, на базу, к резиновым бабам.

Мы снова включили фильтры.

Сразу вслед за тем рвануло так, что мало не показалось. Я потом только узнал, что то была еще не бомбардировка – просто один из «Фальккрамов» не вписался в дыру в куполе.

А потом что-то тихонько свистнуло-пискнуло вдалеке. И наступила тишина.

Бомбы «Фальккрамов» сделали с синтез-машинами то же самое, что незадолго до этого – с лесом. Грубо вырезали из ландшафта и переместили в небытие.

Успели!

Успели, короли воздуха, драния гвардия поднебесья!

Говорят, за тот вылет всех пилотов четырнадцатого сквада повысили в звании. Всех уцелевших пилотов, я имею в виду.

Они спасли всех нас, а заодно и планету Глокк. Даром что ненадолго.
Мне бы так! Нажал на пару кнопок – и уже лейтенант.

Командование на то и командование, чтобы командовать. Если события развиваются в соответствии с намеченными планами – зачем нужны командиры? Знай слушай себе милитум и делай, чего он скажет.

Но планы – их любят сперва составить, а потом на лету поменять. Для этого нужно вдохновение, а вдохновение компьютеру иметь по уставу не положено.

Сперва план был все захватить, кровернов перебить... Э, ребята, а видел ли кто живого кроверна? Не, здесь не видели. Только меоравиолей. И термитов, ясно.

Да. Кровернов, значит, перебить и всех людей из мрачных подземелий вывести к свету и радости.

Потом наложили в штаны и думали, что планы уже не нужны будут: всех климоклазм накроет.

Климоклазм проехали. А тем временем и Дюмулье допросили.

Он не уверен, что все погибли. Точной уверенности у него нет. То есть присягнуть в том, что триста восемнадцать женщин, мужчин и детей были растерзаны термитами, он не может.

Присягнуть – не может. Но если головой подумать, вот просто взять и подумать: герметичность аварийного контура нарушена, кислородных масок – только на каждого пятого.

И термиты...

Они дурные, конечно. Но тепловые сенсоры у них имеются, заодно с прочими. Даже если там была тьма крошечная – все равно ведь всех видно как на ладони. Засек термит красное пятнышко – и кислотным лазером туда!

В общем, правильно Дюмулье считает, что погибли абсолютно все.

Сам он, если ему, конечно, верить, отстреливался до последнего патрона. В отсеке перебили всех, прямо на его глазах. Потом отрубился свет.

Дюмулье приготовился к встрече с демонами смерти, но прогремел взрыв.

Он нашел себя в кольцевом коридоре периметра. Там аварийное освещение все-таки работало.

Дюмулье спасся благодаря баллону с жидким гелием и офицерской закалке. Он ведь все-таки офицер, хотя и не правительственный!

Заливая пол гелием, чтобы погасить свой тепловой след, он добрался до переходника из аварийного контура к лифтам. Термитов там, к счастью, не оказалось.

Лифты, конечно, не работали. Зато сыскался секционный силикатовый баллон.

Обычно такие используют, когда нужно наглухо залепить отсек, через который происходит утечка воздуха. Загоняют в него гелий под давлением, баллон раздувается, силикат благодаря своей аморфности принимает в точности форму отсека и прилипает ко всем поверхностям. Разумеется, так он законопачивает и все дыры в стенках поврежденного отсека.

Ладно, Дюмулье никаких дыр конопатить не собирался. Наоборот, ему было нужно, чтобы силикат ни к чему не прилип. Для этого он обрызгал его гелием снаружи, а потом уже подогнал секции баллона под диаметр шахты лифта и накачал его. Так он и выбрался на поверхность – через шахту, на своем персональном воздушном шаре.

Звучала история дико. Может, потому Дюмулье и не очень-то поверили насчет гибели остальных рабочих.

И тогда наше благородное командование, ведомое соображениями высокого гуманизма, вернулось к первоначальному плану.

Поскольку внезапную климатизацию планеты удалось предотвратить, а Копи Даунинга были вроде как захвачены, возникло желание все-таки послать под землю один взвод на предмет общей разведки и спасения тех, кого – кто знает? – может, еще можно спасти.

Не зря я хотел назваться Висельником. Как чуял! Потому что эту сомнительную честь поручили нашему взводу. Он, видите ли, был единственным, который до сего момента не имел потерь в личном составе.

Все должно быть по справедливости. Решительно все.

Глава 2

Аварийный контур

*Небо и Земля беспощадны.
Лао-Цзы*

– Заг, дай свет.
И стал свет.
– Заг, еще.
И стало еще.

Несколько пятнышек крови на полу. Оплывший под кислотными лазерами пластик. Все как-то скособочено. Потолок и пол местами присобраны гармошкой. Неподвижный термит в углу. Несколько рваных дыр в полу вокруг него – похоже, от обычного огнестрельного оружия с разрывными пулями.

Кое-где пол покрыт светлыми пятнами. Следы гелия, который разбрызгивал Дюмулье.
Проходим кессонный отсек.

Это впечатляет. Сами бронедвери – крепчайшие, монолитные плиты – кроверны взломать не смогли. Но термитам или каким-то другим роботам удалось подкопаться под керамический фундамент отсека.

Двери просто не вынесли собственной тяжести. А может, кроверны помогли им для верности хорошим направленным взрывом.

Так или иначе, весь отсек ухнул в черную бездну, открыв кровернам свободный проход внутрь аварийного периметра.

Светим вверх – туда, где раньше находилась крыша отсека.

Ничего не видать. Сонары сообщают, что над нами – внушительная пещера с оплавленными стенками.

Ну вроде ясно. Отсек был подкопан снизу, а сверху термиты вырыли камору для подрывного заряда. Пещера, которую мы имеем удовольствие зреть, образовалась после того, как взрыв выжег порядочный объем породы.

До базальтовой плиты здесь довольно далеко. Под слоем земли и глины – в основном туф. Впрочем, термиты справились бы и с базальтом, сомнений нет.

Продвигаемся до пересечения с кольцевым коридором.

Контрольный выстрел влево. Вправо стреляет Заг Дакота. Вверх, в черный отвор технологического канала – шедший третьим Чентам. Точнее, Чен Молчун, извиняюсь, сержант.

Такая вот у нас подобралась тройка. Так мы и топаем: впереди я, за мной Заг, потом – Чен. Чен все больше пятится раком, чтобы нас с тыла никто не обидел.

Пока все нормально. Никаких признаков движения. Ни термитов, ни кровернов, ни людей.

Вполне доверять нашим датчикам нельзя – здесь есть чему экранировать и радио-, и тепловые волны. И даже микросейсмическая локация не всегда точна. Однако есть все-таки надежда, что нам не грозит встреча с большими стаями термитов.

Проходим по кольцевому коридору сорок метров вправо – до первой двери жилого отсека. Дверь отсутствует, в отсеке – темнота.

Возвращаемся к пересечению с радиальным коридором.

Проходим сорок метров влево – там тоже, совершенно симметрично относительно радиального коридора, расположена дверь другого жилого отсека.

Везде одна и та же картина: разгром.

Уже видели первые трупы. Чен несколько раз без выражения повторяет: «Выблядки сата-наиловы». А еще Молчун.

Снова возвращаемся к пересечению с радиальным коридором. Туда уже подтянулись остальные солдаты нашего отделения во главе с сержантом Гусаком.

С ними сразу чувствуешь себя как-то веселее.

Блицразведка выполнена. Заходить дальше мы пока что не имеем права.

Пора позвать от лифтов отделение Бета. Оно займет узловую точку на пересечении коридоров, и только тогда мы продвинемся на всю катушку.

Это очень трусливая тактика. Но иначе нельзя. В закрытых помещениях, а тем более под землей, штурмовая пехота сразу теряет и скорость, и три четверти своей наступательной мощи. Огневая секция со своими громоздкими плазменными пушками на гравилафетах сюда просто не пролезет. У тяжелого оружия свои недостатки.

Воздушной разведки нет. И космической нет. Засада может ожидать где угодно. Вырвался чуть вперед – и покойник.

Главное, что даже отомстить за тебя не успеют. Термит выстрелил – и убежал в вентиляционный канал. А ты лежишь с дыркой в груди, и кругом – никого, ничего.

– Чен, Серж, попробуйте-ка вызвать лейтенанта, – просит Гусак.

Лейтенант ждет вместе с огневой секцией у входа в шахту. По идее – чтобы координировать операцию через свой командирский милитум и держать связь с капитаном Веракрусом.

Его трудно заподозрить в трусости. И все-таки мы знаем – иные лейтенанты считают делом чести лезть вместе с передовым отделением своего взвода в самое пекло. Наш не из таких.

Голос у Гусака спокойный. Как обычно. Но его просьба говорит о том, что с ротной связью снова начались неполадки.

Мы вызываем. Тишина. А ведь крошечный мобильный ретранслятор на присоске – вон он, его отсюда видно. Мимо него сейчас как раз проходит сержант Феликс, возглавляющий отделение Бета.

Я машинально повторяю: «Клык вызывает роту», – и вдруг замечаю, что по плечам Феликса ползет отблеск. В шахте лифта – красный сполох.

Когда мы спускались сюда, я при помощи вибробура превратил крышу кабины лифта в труху. Там уже была дыра, через которую выбрался на поверхность Дюмулье. Но дыра несерьезная, кроличья, поэтому для удобства я сделал так, чтобы шахта лифта открывалась прямо в коридор. На случай, если бы пришлось очень быстро драпать.

Время вдруг замедляется. Я отдаю себе отчет в том, что воспринимаю происходящее с нечеловеческим тактом, по миллисекундам, как сверхчуткая видеокамера.

Красный сполох становится все ярче.

Мои мышцы начинают произвольное сокращение. Им нужно:

– инстинктивно поднять левую руку, чтобы защитить лицо, то есть смотровое стекло экоброни;

– опрокинуть мое тело на спину;

– заставить его откатиться вбок по кольцевому коридору.

Тугая, неистовая, вся свитая из пунцовых, кровавых, порфириновых жгутов струя огня наконец достигает дна шахты.

Выплескивается в коридор. Я вижу, как она поглощает парней из отделения Бета.

Захлестывает сержанта Феликса.

Пламя – полупрозрачное. Сквозь него по-прежнему просматриваются и силуэты пехотинцев, и даже шахта лифта.

Длинная заостренная штукавина, немного подотставшая от огненного потопа, входит в пол кабины лифта.

Я успеваю узнать в этой штуковине носовой обтекатель «Фалькрама». Потом пламя густеет и плотным валом катится по коридору, минуя разрушенный кессонный отсек.

Я больше ничего не вижу, потому что моя ладонь – а точнее, механизированная перчатка экоскафандра – наконец-то заслонила смотровое стекло от огня.

Пламя – уже на излете – бьет мне в грудь. Захватывает меня и сержанта Гусака в свои призрачные объятия. И – иссякает.

Я все-таки успеваю упасть и откатиться за угол по кольцевому коридору.

Второй взрыв сильнее первого.

Ударная волна несет меня по коридору прочь. Я ударяюсь о неподвижного ремонтного кибермеха, я видел его во время нашей блицразведки.

Мимо меня по коридору пронесется раскаленным болидом пылающий сгусток плоти. Похоже, это сержант Феликс.

В моих наушниках – густой человеческий рев.

Пол несколько раз делает вверх-вниз. Как кровать в хорошем борделе.

Когда я поднялся на ноги, мне показалось, что я уже достаточно хорошо представляю себе всю мерзость нашего положения.

Невесть откуда взявшийся и невесть кем сбитый «Фалькрам» угрозило упасть ровно в шахту лифта. Попутно у него взорвался двигатель. А потом, с какой-то мизерной задержкой, остатки боеприпасов.

Не исключено также, что...

Я подбежал к пересечению коридоров.

Так и есть. В районе бывшего кессонного отсека произошел обвал породы.

Но – хорошие новости! – обвал небольшой. Даже не до потолка. Тут можно и без вибробура управиться.

Я подпрыгнул и заглянул поверх кучи черного, сплавленного в горячую пластичную массу туфа.

А теперь – плохие новости.

Отделение Бета, похоже, спеклось в полном составе. В шахте лифта бушует лютый пожар. От жара оплывает, как свечка, остов «Фалькрама». Вьются голубые искры размером с откормленного голубя.

Стоит ли говорить, что от нашего ретранслятора – того, который на присоске, – не осталось и воспоминания?

В лучшем случае шахта останется непроходима еще часа полтора. Такого жара экоброня не выдержит, вот и милитум с этим согласен. Может быть и хуже: порода потечет, снизу наглухо залепит шахту спекшейся коркой, а сверху придавит оползнем.

Ладно, вибробурами справимся. К тому же наверху о нас не забудут. Помогут. Позаботятся.

Хватило бы только кислорода.

Судя по матюгам в наушниках, сержант Гусак был жив-здоров и собирал наше отделение в кольцевом коридоре.

– Задача у нас прежняя: поиск и спасение уцелевших рабочих. Ясно?

– Да, сениор, но как мы?..

– Не понял?

Переспросить Зигфрид не решился. Но Гусак все-таки снизошел до комментариев.

– Кислорода у каждого из нас еще на шесть часов. Одного часа нам хватит, чтобы обойти весь аварийный контур. Даже если мы не найдем здесь ни людей, ни кислородных баллонов, ни дополнительного земнопроходного оборудования – все равно у нас будет еще целых пять

часов, чтобы вернуться к нашим. Да за такое время хороший штурмовой пехотинец башкой до поверхности продолбится!

Не смешно. Но мы все-таки погыгыкали. И даже не для проформы, а от всей души.

На войне чувство юмора становится таким же примитивным чувством, как страх или ненависть. Боишься – смерти, ненавидишь – врага, смеешься – над доисторическими шутками про однояйцевых близнецов, у которых одно яйцо на двоих...

Нас осталось семеро – от всего взвода. Ясно ведь, что лейтенанта и огневую секцию падающий самолет-амфибионт тоже накрыл.

Гусак, я, Чен, Заг, Зигфрид, Джордж и Тони.

В нашем отделении тоже есть жертвы. Одного ударной волной так в стенку впечатало, что шейные позвонки не выдержали. Да, внутри экоброни тоже бьются насмерть, абсолютной защиты не существует.

А второй совсем глупо погиб. Тонюсенький, крохотный осколок обшивки «Фалькрама» на космической скорости прошел его экоброню насквозь.

Стена напротив радиального коридора была вся изъязвлена небольшими выщербинами, в которых поблескивали расплюснутые осколки. Это еще хорошо, что под эту картечь только один человек попал, а не пол-отделения.

Итак, мы пошли. Всемером, компактной группой. Дробиться на несколько секций в нашей ситуации было неразумно.

Мы обследовали помещение за помещением. Двое оставались у входа, пятеро шарили по всем углам. И находили людей.

Эти картины остались со мной навсегда.

Люди, умершие от отравления атмосферой.

Люди, разобранные термитами на косточки, позвонки и хрящики. Они так иногда делают. Зачем? Слухи ходят самые тошнотворные.

Люди, сожженные кислотными лазерами. Испепеленные меоравиолями. Застреленные в суматохе своими же.

Женщина и мужчина, застигнутые нападением термитов врасплох, прямо в постели. Мужчина застыл над своей подругой. Чем-то смахивает на выпрыгивающего из воды дельфина.

Такое впечатление, что мужчина задушил женщину, но так только кажется. Скорее всего он вцепился ей в шею во время последних судорог. Оба отравились атмосферой Глокка, как и большинство других.

Я подумал, что если кто-то сейчас брякнет шуточку про Отелло и Дездемону, я просто застрелю кретина. Но, похоже, о том думали и все остальные, даже Заг, король сортирного юмора.

– Надо бы их разнять, – пробормотал Заг.

– Нет, – отрезал Гусак.

Он поднял простыню и осторожно накрыл любовников. Получилось похоже на занавешенную статую в мастерской скульптора. Кажется – вот сейчас придет мэтр с бородкой и в берете, снимет покрывало, тукнет пару раз молоточком во имя совершенства формы...

– Идем дальше.

На кухню я заходил первым.

Термитов почуял даже быстрее, чем увидел.

Отскочил в сторону от дверного проема, упал на колени и выпустил очередь из «Сьюз-дали». Три твари издохли, разбрызгивая снопы красных искр.

На кухню влетели Чен, Зигфрид и Гусак.

Зигфрид выпустил слепящую гранату. У меня тоже две штуки были, в маленьких таких mortarках, в левом рукаве экоброни. Но я сэкономил.

Граната разорвалась. Облако металлизированной пыли заволкло полкухни.

Я подскочил на глидерах к самому потолку и увидел по ту сторону разделочного стола не меньше двух десятков термитов, затянутых искрящимся маревом.

«Съюздаль» заревела, выжигая реактивной струей стену за моей спиной. Меня даже немного потянуло вперед, но глидеры скомпенсировали избыток тяги. Значит, милитум жив-здоров и занят своим делом.

Чен и Гусак присоединились ко мне, тоже подпрыгнув под самый потолок, но в другом углу кухни.

Термиты кое-как сообразили, что в них стреляют, и даже худо-бедно нащупали меня в оптическом диапазоне. Все-таки облако от Зигфридовой гранаты не смогло полностью ослепить их лидары.

Уцелевшие пятеро термитов – остальные были разнесены в клочья нашими активными пулями – одновременно пульнули в меня из кислотных лазеров.

Вот для этого-то и нужно экранирующее облако! Его твердые частички рассеивают большую часть энергии луча-струи кислотного лазера. Он в состоянии сохранять достаточную эффективность в обычном тумане, но в металлизированном уже никак.

И хотя все пять лучей попали мне в область солнечного сплетения, экоброне было хоть бы хны. А через несколько секунд наши пули разнесли в клочья последнего урода из этой стаи.

Кухня была свободна. Но настроение у нас сразу испортилось.

Все-таки в нас теплилась надежда, что все термиты отсюда ушли на поверхность и там были истреблены нашим батальоном во время штурма. Оказалось, не все.

А вдруг их здесь еще тысячи?

На кухне тоже сыскались мертвецы. Два повара в белых опрятных комбинезонах и молодая женщина в халате.

Четвертым мертвецом был мужчина в кислородной маске. Шеврон, нашитый на плечо форменной тужурки со стоячим воротничком, свидетельствовал, что передо мной – еще один офицер биологической безопасности. Везет же мне на них!

Мужчина лежал у белой шеренги холодильников. В лице его мне почудилось что-то нездешнее, надмирное. Интересно, какие чудеса он видел перед смертью?

В одной руке мужчина сжимал что-то вроде пластиковой трубки для капельницы с длинной тонкой иглой.

Да не «что-то вроде», а именно трубку и именно для капельницы, там еще медицинская маркировка была. «Только для рас Т и Ц».

А вокруг мужчины лежали... битые бутылки. По меньшей мере дюжина бутылок отличной русской водки. И даже две целых было.

Я опустил на корточки.

В затылке у мужчины темнел пулевой вход. Застрелен, причем из легкого огнестрельного оружия. Судя по ожогу вокруг отверстия входа – стреляли практически в упор.

Кобура офицера была пуста.

Я перевернул его. «Чака Дюмулье, офицер ББ⁴» – сообщала нашивка на его нагрудном кармане.

Ну ни хрена себе.

Я стащил с него кислородную маску. Чем-то он отдаленно смахивал на того мужика, который выдавал себя наверху за Дюмулье. Те же крупные черты лица, узкие, раскосые глаза, такой же сливообразный нос, смуглая кожа... Но на этом, пожалуй, сходство и заканчивалось.

Вот так. Если это Дюмулье, то кто же тогда тот, второй? Если же не Дюмулье, то зачем напялил на себя его форму? Братья они, что ли? Со сна костюмы перепутали?

⁴ ББ– биологическая безопасность.

Я приказал милитуму сделать несколько снимков с улучшенным разрешением. У моего правого виска несколько раз мигнула вспышка – милитум посчитал свет обычных фар экоброни недостаточным для качественной съемки.

– Во дела, – пробормотал Гусак. – Я сразу заметил, что этот Дюмулье какой-то странный. И, кстати, акцент у него очень подозрительный.

– Сержант, он на моих глазах разнес в клочья «мамашу», которая собиралась сделать из меня гуляш. Прошу это учесть.

– Мало ли. Может, он в тебя целился, а не в «мамашу».

– Это вряд ли. С того места, откуда псевдо-Дюмулье шмальнул по «мамаше» из сварочного плазмомета, он меня просто не видел.

– Ладно, разберемся.

Гусак тоже сделал несколько снимков. Мы пошли дальше.

На большой электроплите стояли кастрюли с готовым мясным супом весьма аппетитного вида. Морковь была нарезана моговидами, лук – кольчиками, кораллы цветной капусты висели у дна, сверху плавала за жарка и куски копченой свинины, с жирком. У меня даже слюнки потекли.

«А вот если бы электричество не отрубилось – суп выкипел бы до донца; а свинина превратилась бы в мерзкую спекшуюся массу», – это было единственное, что тогда пришло мне в голову.

На самом деле с момента падения «Фалькрама» моя психика пребывала в состоянии шока. Легкого, тяжелого – трудно сказать.

Оставив в покое кастрюльки, я невесть зачем начал проверять содержимое всех холодильников. Может, свинина эта сработала...

В одном из холодильников я обнаружил несколько ящичков фуззи-колы. Достал одну баночку, положил в левый набедренный карман. Что я себе думал? «Сувенир на долгую память»?

Я даже открыл морозильную камеру – вот до чего я дошел.

Кого я надеялся встретить там, в морозилке? Начальника Копей Даунинга, господина Севиньи, в токсидо и с призовым чеком на миллион талеров на имя своего спасителя Сергея ван Гримма?

В морозильной камере находились бутылка русской водки и внушительный металлический контейнер. Едва ли не в метр длиной.

Я поглядел себе под ноги.

Ну да. Этот застреленный в затылок человек, в форме офицера Дюмулье, ворвался на кухню. Открыл дверцу холодильника. Открыл морозильную камеру. В спешке выгреб содержимое морозильной камеры на пол – у него явно не было ни времени, ни желания переставлять бутылки на стол.

Потом он положил в камеру контейнер. Закрыв ее. Закрыв холодильник.

Кто-то – почти наверняка тот мужик, который выдает себя за Дюмулье, – в этот момент оказался у него за спиной и незаметно достал из его кобуры пистолет.

Застрелил офицера.

Что он хотел сделать потом? Достать контейнер, да?

Но ему помешали. Кто? Да наверняка термиты, какие еще могут быть варианты!

Все это я прокрутил в голове, пока извлекал контейнер из морозильной камеры.

Я не сразу сообразил, что перед моими глазами.

Это была спасательная капсула для грудных детей. С автономным жизнеобеспечением. С полной теплоизоляцией. И с аккумуляторами на 108 часов – так гласила надпись в красном прямоугольнике под окошком.

Из окошка на меня смотрело... Нет, это я «смотрел». Глаза у маленького человеческого детеныша были закрыты, так что он на меня не смотрел. А я все пялился на него, как хурманч на проститутку, и слова не мог вымолвить. Потом все-таки родил нечто вроде «Эврика!».

Три минуты шумной возни пятерых придурков из штурмовой пехоты...

И мы наконец-то сообразили, что ребенок жив!

Честь этого открытия принадлежит Зигфриду, мир праху его. Он первым догадался вскрыть ячейку с контрольным терминалом, которая находилась в торце капсулы. Индикаторы свидетельствовали о том, что ребенок жив-здоров и пребывает в теплой гибернации.

Мы все словно по двести тяпнули. Развеселились, забегали, даже зашебетали.

«Мальчик или девочка...» – «Да мальчик, конечно». – «Почему „конечно“? По-твоему, Зигфрид, девочек служба доставки привозит?..» – «Нет, просто... вид у него очень уж мужественный». – «Не говори, чистый бычара!» – «Глазки, наверное, голубые». – «Не-е, серые». – «Зеленые». – «Золотые!» – «Красные!» – «Ёханные!» – «Может, усыновить?» – «А почему не „удочерить“?» – «Укрокодиль!»

Га-га-га.

Нам стало весело.

Потому что появился смысл.

Цель.

Надежда.

Что бы там ни говорилось вечером за стаканчиком, но война с кровернами доставляла удовольствие только горстке сумасшедших офицеров флота. Остальные хорохорились, петушились, но во вкус *этой* войны войти не могли – это читалось в лицах сержантов и рядовых, как в открытом файле. Только слепец мог не замечать тоски и отрешенности, которая пряталась под ресницами наших военных профессионалов.

Даже если предположить, что любой хороший вояка в каком-то смысле садист, влюбленный в душегубство, то и хорошему вояке удовольствие в конфликте с кровернами найти было непросто.

Потому что в основном штурмовой пехоте приходилось сражаться либо с боевыми автоматами, либо с синтетическими существами вроде меоравиолей.

Временами начинало казаться, что человечество предстоит пресловутому бунту квази-живой кибернетической материи, о котором обожали распространяться философствующие шоумены нон-стоп новостей в своих «аналитических» программах. С той лишь разницей, что расхожая байка повествовала о бунте «наших» киборгов, киборгов Содружества. А здесь киборги были инопланетные, чужие.

Кроверны в сетку наших прицелов попадали редко, очень редко. А если и попадали, то честь поджарить пару дюжин кровернов доставалась флоту. Потому что кроверны, то есть *настоящие* разумные, двоякодышащие скаты составляли в основном только экипажи боевых кораблей.

Кроверны не доверяли эти громадные машины разрушения одним лишь кибернетическим системам. Видимо, как и мы, боялись фатальных сбоев в работе систем управления.

А возможно, и полуфантастического «дистанционного перепрограммирования». Не очень-то приятно, когда ваш дредноут размером с гору вместо того, чтобы атаковать неприятельский флот, разворачивает свой главный калибр против родной колонии.

В турбоплатформах, боевых машинах вроде наших самолетов – это были здоровенные корявые блины, не построенные, а *выращенные* из колоний полижелезистых микроорганизмов в их гадских океанах – тоже сидели обычно настоящие скаты. И в червь-танках – тоже настоящие.

Но турбоплатформ и червь-танков у кровернов было немного. Либо они предпочитали делать вид, что их немного.

Поэтому у штурмовой пехоты на этой войне пока что задачи были скромные, а цели, как правило, – неодушевленные. Казалось бы, что мешает нашим стратегам тоже применять киборгов? Выпустить против кровернских термитов каких-нибудь «муравьиных львов» с двумя реактивными автоматами на поворотном станке – и пусть дерут друг друга во славу кибернетики!

Применялись, применялись киборги и с нашей стороны.

Я знал об этом, хотя знать мне было не положено. Потому что Закон Куско – Золинштейна запрещал производство и применение автономных кибернетических боевых устройств без открытых каналов управления.

Разумеется, такие «устройства» производились.

Их производство не афишировалось, сборочные цеха были вынесены за пределы Метрополии и Ближней Периферии. Когда информация об этом просачивалась в гражданский мир, наши военные выставляли универсальную отмазку: речь-де идет о дистанционно управляемых, а не об автономных боевых машинах.

Чушь, конечно. Какой идиот оставит открытый канал управления? Чтобы любой, даже не самый интеллектуальный противник получил возможность заглушить ваши управляющие сигналы или, того хуже, самому порулить вашим кибернетическим танком, развернуть башню и пострелять от души?!

Не-ет, это были настоящие, полноценные кибернетические организмы!

У нас были «муравьиные львы». У нас были сигомы: человекообразные истуканы, рассчитанные – для простоты и стандартизации – под размещение внутри стандартной экоброни. Были самодвижущиеся мины с мозгами среднего сенатора и автономные подлодки с интеллектом шахматного гроссмейстера.

Однако! У военных существовал неписанный закон – а «неписанный» значит «неукоснительно исполняемый», – ограничивающий применение этих весьма недешевых и не вполне надежных агрегатов.

Их нельзя было использовать одновременно с людьми.

Либо – либо. Либо операция полностью проводится кибернетическими устройствами, либо – сапиенсами.

Нетрудно догадаться почему. Как ни старались кибернетики, как ни мудохались спецы по искусственному интеллекту, в реальных боевых условиях распознавание целей давало пятнадцать – двадцать процентов ошибок.

На полигоне-то они ошибок почти не делают, верно. Но в бою, да еще при наведенных противником помехах, – запросто.

А ну-ка, что это значит? Правильно. На каждые пять-шесть уничтоженных вражеских целей приходится одна своя. И хорошо, когда эта «своя» цель – просто кусок железа, кремния и пластика. А вот если человек в экоброне?

По этой же причине кибернетические устройства не используются в операциях типа «освобождение и эвакуация», когда речь идет о спасении пострадавших, заложников или очистке населенной сапиенсами территории от просочившегося вглубь противника.

Отправляясь на Глокк, никто из нас не верил, что это – по-настоящему полезная операция. Ясно было: аварийный контур вряд ли спасет рабочих Копей Даунинга.

Таким образом, высадка на Глокке представлялась чем-то сродни эвакуации любимого прадедушкиного рояля с линии огня. Утомительно, чертовски опасно и не очень-то осмысленно. В батальоне шел шепоток, что уж на такое-то дело могли бросить сигомов, пусть бы и возились с иридиевым концентратом.

И вот теперь, посреди разгромленной кухни, каждый из нас наконец-то понял, зачем он здесь.

Это глупый Серж ван Гримм мог открыть морозильную камеру. Сигом – не мог.

Синтетический гуманоид слишком умен. Он чересчур славно оптимизирован для того, чтобы позволить себе лишние движения.

Это глупый солдат вначале делает, а потом думает. Сигом всегда предпосылает действиям выбор по дереву событий. Его выбором был бы переход в следующее помещение.

Что в общем-то мы и сделали. Но лишь после значительного количества лишних движений, одним из которых было обнаружение ребенка неопределенного пола, неопределенного цвета глаз, неведомой судьбы.

Если на войне чему-то обрадовался – жди крупных неприятностей. Потому что ты на войне.

Мы снова тащились по кольцевому коридору. Мне, как первооткрывателю нашей чудесной находки, доверили почетную миссию быть ее персональным лордом-хранителем.

Спасательную капсулу примотали к моей груди при помощи сверхпрочной универсальной крепежной пленки, какой у каждого из нас были десятки метров. Конечно, лучше было бы повесить капсулу с дитятей мне на спину. Так ему было бы безопаснее, а мне – удобнее.

К сожалению, мешали оружейные обтекатели – «Сьюздали» вдоль моей правой лопатки и дальше до самых ягодиц. И могучего «Тандера» – слева, в аналогичной компоновке. Их нельзя было перекрыть спасательной капсулой, иначе лорд-хранитель остался бы без толкового оружия, с одним только огнестрельным пистолетом в кобуре на правом голенище. А это как-то не того.

Поскольку я обладал самой ценной ношей, меня определили в центр нашего, если можно так выразиться, боевого построения.

Впереди шли трое, сзади – тоже трое. Впервые с начала операции я почувствовал себя в относительной безопасности.

Мы обследовали штабной отсек, госпиталь на двадцать коек и процедурную – в задней комнате за госпиталем.

Из всех помещений внутри аварийного контура только госпиталь и процедурная имели собственную систему герметизации. Только в них мы еще и могли надеяться на встречу с живым человеком.

Но нас встретили одни лишь мертвецы.

Герметичная дверь-диафрагма госпиталя была неряшливо прогрызена. Ровно настолько, чтобы в образовавшуюся дыру мог пролезть термит. Нам же, людям, потребовалось пустить в ход вибробуры.

В госпитале, сваленные в одну страшную кучу посреди палаты, громоздились останки. Видимо, некогда здесь лечилось довольно много людей – те, кто получил ранения во время первого нападения кровернов, и те, кому все-таки удалось спастись в пределах аварийного контура.

Что в госпитале случилось на самом деле – я не понял. Кажется, ищейки кровернов что-то вынюхивали, что-то искали. Причем не где-нибудь, а в желудках у мертвецов. Иначе зачем было потрошить трупы?

Койки тоже были искромсаны. Процедурное оборудование разбито. В бубль-ванне с осыпавшейся крышкой плавал яркий резиновый мячик.

Мы вышли прочь, тяжело сопя в две дырочки и помалкивая.

В штабном отсеке было и то как-то легче. Там тоже нас встретили одни лишь трупы, но все-таки сохранившие хоть внешнюю целостность.

Кстати, в штабном отсеке мы нашли два неповрежденных компьютера и даже несколько инфокристаллов. Сержант Гусак с важным видом сгрузил инфокристаллы себе в набедренный карман – в таком точно у меня болталась баночка фуззи-колы.

Еще! Рядом с компьютерами стояла клетка. Обычная клетка безо всяких наворотов.

В клетке лежали две мертвые длинноногие птицы. В общем-то обычные аисты, только цвета какого-то нереального – темно-темно-синего, почти кобальтового. Посинели, видать, от местной атмосферы.

Больше ничего достойного внимания в штабном отсеке не сыскалось.

Я не могу описать точно, как это началось.

Кажется, первым завелся сейсмодатчик Зага.

Я услышал его сигнал в своих наушниках, перепутал с зуммером захвата цели системой наведения «Тандера» и удивился, у кого это активирован гранатомет. Вроде ведь договорились без крайней необходимости ими не пользоваться?

К тому моменту, когда я сообразил, что это не зуммер захвата, запиликал и мой датчик.

– Отходим к выходу! К радиальному коридору! – рявкнул Гусак.

Я не знаю, как и что он почуял. Ну, все-таки сержант, человек опытный. Мог не только шестое, а и седьмое с восьмым чувства в себе пробудить и выпестовать.

Нас два раза просить не надо было.

Я помню, был слабый хлопок – где-то в районе кухни.

Мы находились примерно в тридцати метрах от радиального коридора, когда с немалым удивлением обнаружили, что пол залит текучей маслянистой жидкостью.

На всякий случай мы подскочили на полметра вверх и полетели на глидерах. Хотя милитумы и сообщили, что жидкость является обычной водой с некоторым количеством низкотоксичных минеральных масел, рисковать не хотелось. Уж больно это было неожиданно: вода – здесь.

Как прикажете это понимать? Какие-то небольшие запасы питьевой и технической воды в аварийном контуре, конечно, оставались. Но пол был залит уже едва ли не по колено! Значит, вода поступала откуда-то снаружи!

Но откуда именно? Контур-то был разрушен только в одном месте, в районе кессонного отсека, верно? И никакой воды там не сочилось!

Значит, где-то появилась вторая пробоина? И сюда поступает... что??? Грунтовые воды? Есть здесь, под Копями Даунинга, подземный водоем? Может, и есть, но я что-то не припомню...

Но главное: если вода поступает через пробоину, значит, кто-то эту пробоину устроил.

Это уже совсем никуда не годилось. Потому что даже термиты не нашли ничего лучше, как подкопаться под кессонный отсек. Даже им было не по силам прогрызть мощную многослойную – и керамитовую, и сталевольфрамовую – рубашку, в которую была одета несущая «линза» аварийного контура.

Так кто же это сделал???

Громкое хлюпанье у нас за спиной свидетельствовало о том, что некто совершенно беспардонным образом, не таясь, преследует нас, скрытый плавным скруглением коридора.

Судя по датчикам, это была «мамаша». И возможно, не одна. Большое счастье, что мы в глидерах и можем лететь над водой. А то нас бы уже так долбануло!

– Тони, Зигфрид, – к бою! Уничтожить преследователя! Джордж, Заг, – наблюдать за левой веткой коридора! Разрешаю применять «Тандеры»!

Мы были уже на пересечении с радиальным коридором. После прогулки по тошнотворному кладбищу, которое представлял собой аварийный контур Копей Даунинга, это место показалось мне почти родным. Теперь требовалось скоренько расправиться с завалом и убираться подобру-поздорову.

Мы с Ченом запустили вибробуры, а Гусак взял «Сьюздаль» на изготовку, прикрывая наши задницы. Воды, к слову сказать, было уже едва ли не до пояса.

В кольцевом коридоре ухнул «Тандер». На несколько голосов завывали «мамаши». Это они умеют!

Потом – несколько выстрелов из «Тандера» подряд. Ох, да это же просто шквал огня! Ребята, вы что – сдурели? Да что же вы там увидели, а?

Все заволочло густым паром. Еще бы! Пять-шесть гранат из «Тандера» должны были разворотить стены, пол, потолок и выпарить целую цистерну воды! Кстати, при стрельбе на малую дальность в закрытых помещениях – и стрелка заодно зажарить. Только экоброня от таких неприятных эксцессов и в состоянии защитить.

И вот тут я почувствовал, как меня потянуло вниз. Что, глидеры сварились? Милитум засчитался?

– Сержант, проход открыт! – отрапортовал Чен, оборачиваясь.

Никто не отозвался. Подозрительно глухо и гулко бухтела «Сьюздадь».

«Неужели под водой?» – догадался я, неловко пытаюсь глядеть себе под ноги. Одновременно с этим боковым зрением я заметил, что сержанта Гусака как-то не того... не видеть...

Мама моя дорогая!

Мой правый глидер был обвит полупрозрачным шупальцем. Казалось, сама вода потемнела, сгустилась и тащит меня вниз. Да с такой силой, что антигравитационные движки глiders ничего не могут сделать! Вот и милитум каким-то занебесно равнодушным тоном об этом предупреждает...

Разумеется, думать тут было нечего. И некогда.

Удивляюсь, как я вообще себе не отстрелил глидер вместе с ногой. Активные пули из моей родной «Сьюздади» исполосовали непроглядную, затянутую паром воду вдоль и поперек.

Полагаю, именно своей панической пальбой я спас жизнь сержанту Гусаку.

Подводный монстр – а может, точнее было бы сказать «монструозное *продолжение* кроверна», – на некоторое время утратил (утратило?) стабильность структуры и выпустил Гусака.

После чего тот не замедлил вылететь из воды, как ошпаренный.

Вот теперь стало слышно, как он орет. Раньше вода глушила наш стандартный диапазон, сержанту до нас было не докричаться.

Орал Гусак не то от радости, не то от испуга. А скорее всего от взрывчатой смеси этих несовместных эмоций.

А за его спиной – там, где тонул во мраке кольцевой коридор, – выростал... выростало... да я не знаю и знать не хочу!

Я мгновенно отлетел к стене, чтобы выбрать выгодную позицию для стрельбы. Не мог же я стрелять сквозь Гусака – хорошо хоть на это мне соображения хватило. Могло бы и не хватить, между прочим.

Пока левый обтекатель экоброни раскрывался, услужливо подставляя мне спусковой рычаг «Тандера», я молотил по омерзительному видению из реактивного автомата. А когда в мою левую ладонь наконец ткнулся спусковой рычаг, я дернул его без перерыва трижды.

Я понял, почему ребята – Тони, Заг, Зигфрид – так щедро гасили из «Тандеров». Иначе реагировать на эту херовину было просто невозможно. Даже будь я уверен, что твари хватит одной пистолетной пули, я все равно предпочел бы выжечь ее ионной струей из сопел десантного катера.

Четыре глаза, расположенные в вершинах ромба. Или, скорее, то, что можно было бы назвать «глазами» – фиолетовые круги, внутри которых – чернота.

В центре ромба из «глаз» – крестообразная щель, по краям которой быстро-быстро суетятся в нескончаемом беге с препятствиями сотни мелких шупиков.

Далее четыре неожиданно массивные, тумбообразные конечности.

Две конечности уходили под воду и где-то там упирались в пол. Но самым отвратительным, несообразным с человеческим восприятием было то, что две другие упирались в потолок.

Чувствовалось, что этому существу совершенно все равно, как именно перемещаться, – пожалуй, с равным успехом оно могло бы двигаться, упираясь своими раскоряченными лапщами в стены.

Было в этом что-то паукообразное, хотя, строго говоря, на паука тварь похожа не была.

За остальные части тела я расписываться не берусь – они скорее домысливались, нежели действительно были мною увидены. Тело, например, показалось мне составленным из каких-то бахромчатых оборок алого и фиолетового цвета.

А еще у него, возможно, были не только ходильные конечности, но и длинная хватательная лапа – или все-таки хвост? – которая как раз и летела точнехонько в спину Гусаку в тот самый момент, когда ее раскрошили активные пули моей «Сюздали». Ну а гранаты «Тандера» окончательно покончили с этим ходячим тестом на трусость.

Гусака мягко отшвырнуло взрывной волной на Чена. Это было хорошо – я, как-никак, повторно спас сержанту жизнь.

Может, удастся все-таки отхватить «Огненный Крест» не посмертно, а, так сказать, очно?

Но вот что плохо: у Гусака была разрушена броня на правой ходильной конечности экоскелета. Это если в технически точных терминах. А нормальным языком – ногу нашему сержанту разнесло до самой кости. Из дырок в экоброне стекала вода, которой Гусак успел набраться в объятиях подводного уroda.

Правда, если милитум правильно оценил обстановку, система регенерации должна была залатать наглухо зазор между кожей Гусака и внутренней поверхностью экоброни. Поставить эдакую перепоночку выше колена, чтобы воздух не выходил, короче говоря. Или хоть помедленнее выходил.

Я машинально проверил счетчики боезапаса в «Сюздали» и «Тандере». Хотя уж по «Тандеру» так точно мог бы и сам сообразить, что семь гранат еще есть.

Информация по «Сюздали» была не столь радостной. Основной боекомплект в рукаве двухпоточковой подачи был почти исчерпан, оставалось всего девятнадцать патронов.

Дополнительный боекомплект в пяти магазинах по двадцать патронов был на месте. Но их нужно было менять вручную, что не очень-то удобно. При этом два магазина из пяти были маркированы как поврежденные.

В принципе не удивительно. В такой молотилровке их могло испортить что угодно, даже компенсаторная струя чьей-то «Сюздали». Магазины-то носятся на поясе, вне основной теплоизоляции.

– Сениор Гусак, ну как вы там?

– Ничего. Терпимо. Спасибо, Серж. Ты – настоящая барракуда.

Говорил Гусак отрывисто, что было не в его манере. Значит, ему очень больно. Значит, ранение очень серьезное. И притом нервные окончания заблокировать полностью не удастся, потому что умный милитум боится обдолбить сержанта наркотой до потери сознания.

– Настоящая барракуда, похоже, там, в воде. Как ей и положено.

Более подходящих слов для этой ситуации у меня не нашлось. На самом деле я был тронут словами Гусака. И – одновременно – мелькнула неожиданно ясная и простая мысль: нам отсюда не выбраться.

События не позволили мне предаваться унынию слишком долго.

Дважды рывкнула «Сюздаль». И ровнехонько там, где я несколько мгновений назад расстрелял четырехглазого монстра, появился мокрый, как воробей, оборванец-здоровяк. В котором я спустя еще одно мгновение признал... Зага!

Его экоброня была разрушена почти полностью. Собственно, от нее остались только невнятные крошащиеся лохмотья на плечах, правый спинной обтекатель, брюшной сегмент брони с плоскими кислородными патронами и ботинки с глидерами.

Последние, к моему грандиозному изумлению, работали, – Заг летел над водой. Из этого вытекало, что цел и милитум, прилепленный поверх черного трико из «умной кожи» на животе.

Я сообразил, что его милитум перевел все системы, какие мог, на запасные источники энергии, расположенные непосредственно возле глидеров. Увы, на них Загу не протянуть и пятнадцати минут.

Шлем на Заге отсутствовал. К счастью, экстренная кислородная маска успела залепить Загу всю морду. Выглядел он в ней приблизительно как закатанный в пленку мороженный палтус. И все-таки был жив, сукин кот!

Итак, нас четверо, а не трое.

Заг подлетел к нам и промычал сквозь свой прозрачный намордник что-то вроде «Полундра!».

Да кто ж спорит? Естественно, полундра.

Тут я разглядел, что его бока располосованы так, как в страшном сне не приснится. На фоне «умной кожи» кровь была не то чтобы очень уж видна, но сквозь разрезы отлично просматривались рваные раны с алыми краями.

Атмосфера на Глокке ядовитая, но хорошо хоть не шибко агрессивная. Только какого-нибудь хлористого фтора беззащитной коже Зага сейчас недоставало.

Да и температура была терпимая. Как говорят в штурмовой пехоте, «сорок плюс-минус сорок». То есть хрен поймешь сколько, из жара в холод швыряет в основном от страха. Не морозно, но и на ракетном топливе вроде пока не поджаривают. Сносный диапазон, короче, для белковых форм жизни.

Замотал я дырки в боках Зага крепежной пленкой и по плечу похлопал.

– Все будет хорошо! – через внешний речевой синтезатор прокричал. Что мне еще осталось, а? «Хэппи бёздэй ту ю» спеть?

Заг, кажется, расслышал и махнул рукой. Качанный он все-таки парниша, бицепсы как дыни!

Устроить вечер воспоминаний старых боевых товарищей нам не дали.

Вода дошла уже до наших глидеров, хотя мы висели под самым потолком. Маслянистая мутная дрянь стояла вровень с нижним срезом прохода, проделанного вибробуром Чена в туфовом завале.

Вода явно намеревалась устремиться дальше – в направлении шахты лифта. Там, кстати, царила крошечная темень. Похоже, мои наихудшие опасения оправдались: оплавленная жаром горящего «Фалькрама» порода стекла вниз, перекрыла шахту и залепила наш единственный выход на поверхность.

– Все забито наглухо. Порода твердая, как стекло, – подтвердил мою догадку Чен, вернувшись с рекогносцировки.

Датчики совсем взбесились.

Если им верить, невидимая смерть была уже совсем рядом, где-то под водой. Кроме этого, вдалеке – а на самом деле не так уж и далеко – снова кто-то топал по кольцевому коридору.

Это было озарение. Настоящий «приход».

– Сержант! Единственная дорога – наверх!

– Ты что, Серж, с ума сошел? Куда наверх? – После ранения Гусак соображал плохо.

Чен тем временем выпустил в воду несколько длинных очередей, после чего его «Сьюз-даль» музыкально пиликнула и заглохла.

У него кончились патроны основного боезапаса. Зато и движение под водой прекратилось. По крайней мере временно.

Все это я ловил где-то на краю сознания, в то время как мой речевой синтезатор уже отвечал сержанту. Четко и внятно, будто мы вели показушную беседу в аудитории в присутствии инспекции Генштаба.

Видимо, в тот момент я почувствовал, что, если буду излагать свои мысли неуставным образом, сержант меня просто не послушает. Чтобы показать, что он круче всех, отдаст любой другой приказ. И тогда мы все – покойники.

– Сениор! Над нашей головой находится огромная каверна, сениор! Она образовалась вчера после направленного взрыва, устроенного кровернами для вскрытия кессонного отсека. Сениор, породы здесь мягкие! Вибробур берет туф отменно, как раскаленный нож – масло, сениор!

– Отставить! Рядовой второго класса Серж ван Гримм!

– Я, сениор!

– Сдаю тебе командование отделением Альфа! Твой заместитель – рядовой второго класса Чентам Делано Амакити!

– Так точно, сениор!

– Раненый сержант Милош Гусак. И раненый рядовой первого класса... – У сержанта снова начались проблемы с речью. Он еле ворочал языком. – Захария Вучовски. Поступают под твоё. Командование.

– Так точно, сениор!

Это Гусак хорошо придумал. Почувствовал, что уже лыка не вяжет, и по-честному доверился мне. Молодчина сержант.

– Чен, Заг, сержант Гусак!!! – заорал я так, что впервые осознал сермяжную подлинность выражения «выкатить зенки на лоб». – Слушай приказ! Десять метров – в направлении шахты. Быстро!

Уверен, они не поняли, куда это Серж Барракуда клонит, но теперь командиром отделения был я. Мои приказы не обсуждались. Их можно было либо выполнять, либо получить пулю в лоб за попытку мятежа перед лицом противника.

Когда они, воспользовавшись проделанным Ченом проходом, оказались за завалом, под прикрытием внушительной груды туфа, я приказал:

– Чен, Гусак, закройте Зага своей броней!

Выбрал ракурс удобнее – так, чтобы меня не завалило ожидаемой килотонной разрушенной породы.

Направил в черную пустоту ствол своего «Тандера», скорректировал наводку по данным лидара и выпустил одну за другой пять гранат. С небольшими интервалами.

Все гранаты ушли по одному и тому же лучу.

Во-от эт-то я понимаю!

Языки огня расцвели высоко-высоко под сводами пещеры. Да, лидар не лгал: лакуна здесь выжжена просто-таки грандиозная.

Раскатистый грохот и эхо с многократными переливами бросились вниз наперегонки с огромными, разваливающимися на лету кусками туфа.

К счастью, мой расчет оказался верен. Гранаты были такими мощными, что большая часть туфа просто испарилась. Меньшая же часть шуровала сверху в сторону ближайшего ко мне фаса завала и аккуратненько так валилась в воду, которая споро заполняла коридор уже и по эту сторону, поближе к шахтам лифта.

– Чен, Гусак! Наверх, быстро! Работать вибробурами по очереди, сменять друг друга каждые две минуты. Общее направление бурения намечено коническим туннелем от пяти гранат «Тандера». Пока один работает – другой с выключенным вибробуром наблюдает за нижней полусферой.

– Так точно. Сениор. Только не надо. Так многословно.

Не подозревал, что у Гусака есть чувство юмора.

– Р-разговорчики!

– Заг, ты слышишь меня?

Заг утвердительно кивнул.

– Сядь здесь. – Я указал на еще возвышающийся над водой склон туфовой горы, прикинув, что именно туда порода осыпаться не должна. – Выключи глидеры и отдохни. Закатай себе вот это. – Я передал ему разовый иньектор из своей наружной аптечки. – И просто отдохни. Наблюдай за водой. Какое-то подозрительное движение – стреляй. Но только не очередью, а одиночными.

Я прикинул, что будет, если Заг в сидячем положении шмальнет хоть раз из «Сьюздали». Реактивная струя ударится в туф за его спиной. Частично отразится от породы. Сожжет ему спину – экоброни-то на нем наполовину нет. Да вдобавок еще и сбросит его в воду, потому что глидеры не успеют подработать в нужном направлении.

– Знаешь, стрелять можешь все-таки очередью. Но лучше из этого. – Я протянул ему свой огнестрельный пистолет. Свой-то Заг потерял вместе с кобурой.

Заг понимающе кивнул, но принял оружие в левую руку, оставив правую на рукояти «Сьюздали». Его можно понять – случаи разные бывают. Пожалуй, лучше сжечь себе пол-спины, чем оказаться в скользких объятиях *кое-кого*.

Ну а сам я занял позицию на той стороне завала, которая была обращена к кольцевому коридору. То есть в самом опасном месте.

Для себя я решил, что мое дело – продержаться здесь хотя бы минут восемь. Потом можно будет подменить Чена. А вест-японец, как единственный, кому удалось сохранить в неприкосновенности полный боекомплект «Гандера», подменит меня здесь.

Прямой необходимости подставлять свою задницу именно на этом самом месте вроде и не было. Но я решил, что за коридором следить нужно. Оставалась ведь крошечная надежда, что повезло не только Загу, но и еще кому-нибудь из наших.

Чтобы как-то развлечься, я принялся тихонько бубнить в рацию:

– Взвод-два, рота-один, вызываю всех, кто меня слышит. Вызываю всех, кто меня слышит. Взвод-два, рота-один... Вызываю батальон... Вызываю капитана Веракруса...

Ясно, мне никто не отвечал.

Что было потом?

Я высадил полный магазин «Сьюздали» по трем щупальцам, которые пытались цапнуть меня за горло. Какая наглость! Прямо за горло!

Я убедился, что щупальца эти имеют загадочную физическую природу и со всей определенностью не принадлежат четырехглазому монстру. А жаль.

Тогда я мог бы надеяться, что, уничтожив монстра, можно гарантировать и отсутствие таких вот подарочков из-под воды. Ан нет – вода вроде как сама в щупальца собиралась по воле таинственного существа, наделенного способностью к телекинезу.

Правда, активные пули на некоторое время путали карты этого самого существа. Но в целом такая война мне не нравилась. Воду можно расстреливать до бесконечности.

Потом щупальца добрались до Зага и, видать, хотели отхватить ему ногу до колена вместе с глдером. Он открыл огонь одновременно и из пистолета, и из «Сьюздали». Как я и почувствовал, Зага швырнуло в воду.

Я всполошился, прискакал к нему со своей стороны завала и вытащил Зага на поверхность. Дьявол, ну откуда я мог знать, что эти щупальца *наводятся* кровернами столь виртуозно? Я-то думал, что опасна только моя сторона завала!

Как говорят русские, «хорошая мысль приходит опосля». На скорую руку мы выдолбили в стене нашей грандиозной каверны нишу и усадили в нее рядком Чена и Зага, слегка прибавившего от просочившейся из-под края кислородной маски местной атмосферы.

Так было безопаснее. Теперь отдыхающих отделяли от воды по меньшей мере десять метров.

Но вот что ужасно: потоп продолжался, причем вода прибывала все быстрее и быстрее. Это при том, что ей приходилось заполнять весь внушительный объем аварийного контура, а плюс к тому метров сто радиального коридора и расширитель возле лифтов!

Я, как и собирался, сменил Чена.

На пару с Гусаком мы работали вибробурами. Система навигации милитума показывала, что мы находимся на глубине всего-то восьми метров, когда наши вибробуры уперлись в крепкую плиту.

Оказалось – добротный керамитовый фундамент какого-то здания. Впервые с начала операции я принялся за основательное изучение карты Копей Даунинга.

Вскоре мы с милитумом на пару сообразили, что находимся под большой мастерской. В старое доброе мирное время в ней проводился ремонт оборудования и многочисленных кибермехов завода.

Если бы мы сейчас находились под центром фундамента, то, пожалуй, пора было бы запевать отходную. Потому что продолбать фундамент было нечем – гранаты «Тандера» тут тоже были не помощники.

И вбок мы прокопаться не успели бы – на электронной карте мастерская представляла собой квадрат со стороной сто двадцать метров. Аккумуляторы вибробуров неумолимо садились, а перевести их на глйдерные источники питания означало довольно скоро остаться без глйдеров и ходить пешком. Что в вертикальной плоскости было не очень удобно, скажем так.

Наша кривая-косая рукотворная шахта, выдерживающая средний наклон в пятнадцать градусов, благополучно вывела нас почти к самому краю фундамента. Оставалось пройти метра четыре к северу!

Мы были настолько близки к поверхности, что наши приемники начали даже шипеть нечто осмысленное. Вроде как «А-а!» или «Уводи людей!». Нам это, конечно же, не понравилось. И вот тогда я вернулся вниз, чтобы бросить последний взгляд на новообращенный круг отнюдь не Дантова ада по имени «аварийный контур».

Вода стояла высоко. На ее поверхности качался всякий мусор. Помимо прочего – пачка сигарет «Lucky Strike» и использованный презерватив. Воистину, вездесущие знаки дерзновенного полета человеческого разума к звездам!

Мои фары выхватили из темноты ладонь с раздутыми, посиневшими пальцами – это вынесло из аварийного контура один из многочисленных трупов.

В то же мгновение маленькая зубастая пасть вцепилась в эту сомнительную добычу и уволокла ее прочь, в глубину.

Это было так неожиданно, что меня передернуло. Милитум, который не любит таких вот дерганных пехотинцев, посчитал, что я заметил где-то смертельную угрозу. Он самовольно бросил управляющий импульс на глйдеры, и меня плавно снесло вбок, одновременно с этим разворачивая в сторону.

Мимо меня пронеслась и плюхнулась в воду черная тень.

Но я не отреагировал, потому что в той самой нише, которую мы продолбили специально для Чена и Зага, я увидел *его*.

Это было создание не прекрасное и не уродливое. Оно пребывало за рамками наших привычных эстетических категорий (от Эверта Вальдо я потом и не таких словечек набрался).

Скорее кобра, чем скат. Существо, мало чем похожее на свои карикатурные образы, преподанные нам плакатами Управления Психологических Операций.

И даже виртуальные реальности учебных тренажеров создавали, с моей точки зрения, совершенно превратное впечатление о кровернах.

Он висел в воздухе, видимо, при помощи устройств, аналогичных нашим глйдерам.

По крайней мере половина его тела была скрыта под блестящими металлизированными поверхностями с массивными наплывами.

Что находилось под этими наплывами? Оружие? Дыхательные смеси? Энергоемкости? Наверняка и первое, и второе, и третье.

Когда нам рассказывали о кровернах, нам показывали их типовые скафандры. Но именно такого я что-то не припомню.

Нижние хвостообразные конечности кроверна покоились на полу ниши. Они лоснились от толстого слоя полупрозрачного желе. Конечно, это был биоскафандр. Между прочим, таких у нас делать не умели, а защитными свойствами биоскафандры обладали, по слухам, просто сказочными.

Лицо кроверна имело достаточно развитые индивидуальные черты и отнюдь не было мордой тупого кровожадного монстра. И несмотря на то, что, кроме рта и глаз, оно ни в чем не совпадало с гуманоидным типом, все-таки можно было назвать этот сброд усов, усиков, щупов, цепочек перламутровых и ярко-алых крапинок именно *лицом*. Лицом, снабженным неким даже, как бы это сказать... *выражением*.

Об этом выражении можно говорить примерно в том же смысле, в каком морда сома кажется нам флегматичной, а ерша – задиристой.

Так вот кроверн смотрел на меня... Надменно!

Передние и средние пары конечностей я как-то не вычленил из общей картинки. Возможно, они были убраны в подбрюшные мешки или еще куда – не знаю.

Ну вот и все.

Я нажал на спусковой крючок «Съюздали».

Одинокая активная пуля покинула ствол моего автомата, который сразу же запищал, сообщая, что боезапас в текущем магазине исчерпан.

На кроверна обрушился удар поистине космической мощи. Все произошло настолько быстро, что я могу лишь догадываться: он отлетел к задней стене ниши, биоскафандр спружинил, скат скользнул вниз.

Внизу хлопнула вода – это вывалился автоматически отщелкнутый пустой магазин автомата.

Сразу вслед за тем раздался куда более громкий всплеск – достигло воды и тело кроверна.

Я был уверен, что убил его. Но где же клочья скатьего мяса в биоупаковке?

Это настораживало.

Активная пуля должна была разнести такую тушу весьма наглядным образом. Как говорится, одни ушки доехали бы.

А тут на тебе – пшик какой-то! Неужели эти их биоскафандры и впрямь такой супер?

Эх, если б в магазине оставалось хотя бы пяток патронов, я бы успел всадить в него разом все пять! Меньше, чем за полсекунды! Тогда точно конец двоякодышащему.

Я зарядил «Съюздаль» предпоследним магазином и полетел вверх – делать здесь было больше нечего.

Хотел напоследок выпустить в воду гранату из «Тандера», да подумал, что наверху она еще может пригодиться.

И верно – пригодилась. Я, наивный, тогда еще и не догадывался, что же на самом деле происходит.

Глава 3

Мы чуть не съели лейтенанта

...и кукушка безмолвствует. Упаси, впрочем, нас услышать, как она кукует.

И. Бродский

Вырвались на поверхность. Сразу же вжались в близкую стену ремонтной мастерской. И наложили в штаны.

Все ходило ходуном – и земля, и воздух, и сами небеса. От купола, большая половина которого еще была цела, когда наше отделение спускалось в аварийный периметр, осталось лишь воспоминание. Ничего вообще!

Левый сектор обзора закрывала колонна черного, жирного дыма, сквозь который пробились узкие языки химически синего огня.

Прямо перед собой, поверх искореженной арматуры разрушенных жилых корпусов, мы видели кусочек неба. Теперь вместо родных «Фалькрамов» и десантных катеров там маячили несколько кровернских турбоплатформ, похожих на протравленные кислотой летающие коралловые рифы.

Воздух под ними дрожал, как над раскаленным полимеридом космодрома, и кровавился спиралевидными малиновыми сполохами. Потому и «турбо», значит.

То один, то другой летающий риф исторгал ослепительный фонтан огня. Что твой хамелеон, слизывающий свою жертву длинным красным языком.

А как же наша воздушно-космическая оборона?

Где многоцелевые «Фалькрамы» и истребители «Спага»?

Куда смотрят, в конце концов, корабли Седьмой эскадры? Нам ведь обещали «абсолютную изоляцию района боевых действий»! Дескать, муха не пролетит!

Ответом на эти вопросы служил предмет, занимающий правый сектор обзора.

Из огромной воронки, окруженной оплавленным валом глины, на закопченном пилоне торчал... двигатель импульсной тяги космического корабля.

Могучая рельефная надпись из керамитового литья сообщала, что двигатель изготовлен фирмой «Дженерал Урал-Мадрас Моторз», да.

По заказу Министерства Военного Флота, да.

И установлен на крейсерский транспорт «Румба», да.

На наш... наш, наш родной транспорт, с которого нас десантировали... я спросил у мили-тума... три часа двенадцать минут назад!

И что двигатель этот является собственностью правительства, керамитовый рельеф тоже сообщал. Напоследок, маленькими такими буквами.

Вот ведь как, оказывается.

Я вызвал роту, батальон, всех, кто меня слышит.

О чудо! В кои-то веки мне ответили сразу.

Сквозь душераздирающие помехи и хриплый клекот демонов смерти пробился далекий, малость дремотный голос.

Продиктовал координаты «Малой зоны Е» и время до отлета.

Снова продиктовал координаты «Малой зоны Е». И снова – время, уменьшенное на три секунды.

Пожурил меня за некорректную постановку вопроса и продиктовал координаты «Малой зоны Е».

Я наконец сообразил, что общаюсь с бортовым милитумом десантного катера, мусорящим в эфир по экстренному алгоритму «Всем, кого это касается». И параллельно выдающим элементарные справки.

Пришлось задать вопрос корректно. Я назвал свой полный идентификационный ключ и спросил, не предусмотрено ли прикрытие для отходящих боевых групп. И не собираются ли они выслать эвакуаторов? У меня, дескать, раненые.

– Передаю ваш запрос вышестоящей инстанции, – сказал милитум. Больше ничего мне от него добиться не удалось.

Из увиденного и услышанного следовало, что кроверны крепко надрали нам задницу. Насколько именно крепко, я еще до конца не въехал, но уже начинал въезжать. Я припомнил загадочное падение «Фалькрама» прямо в шахту лифта и подумал, что уже тогда можно было бы озадачиться.

Ну ничего. Теперь-то я командир, имею право кое о чем спросить.

– Сержант Гусак!

– Я, – вяло отозвался тот.

– Скажите, вы ведь знали, что наверху у наших нелады?

– Нет.

– Но догадывались?

– Только идиот мог не догадываться. После того как. Целый штурмовик упал. Но у нас выбора не было. Мы имели приказ. Обследовать периметр. Приказ никто не отменил. И мы его. Выполнили.

У Гусака зуб на зуб не попадал. Неужели он потерял столько крови, что уже начало морозить? Снаружи вроде не заметно...

– Полностью согласен с вами, сениор. Как думаете, удастся нам отсюда ноги унести?

– Барракуда, теперь ты. Командир. Ты и думай.

И то верно. Я быстро посоветовался с милитумом насчет оптимального маршрута.

– Отделение! Слушай мою команду! Нас ожидают десантные катера. Наша задача – пробиться к ним. Координаты зоны эвакуации вы слышали. Но если кто не слышал, повторяю...

«Малая зона Е» была довольно далеко от того места, где мы вылезли из нашей кроличьей норы. Кроме того, у Зага скисли резервные источники питания глидеров.

Пришлось ему подсесть на левую ногу к Чену – примерно так же, как Дюмулье (или псевдо-Дюмулье, один хрен) ко мне каких-то два с половиной часа назад. Ох и давно же это было!

Даже без большей части своей растерзанной экоброни Заг весил будь-будь. Он сильно перегрузил глидеры Чена. Но все-таки это было куда лучше, чем идти пешком. Так мы могли держать скорость ну хотя бы в семьдесят километров. А без глидеров не дали бы и десяти.

Мы утвердили своим милитумам маршрут и понеслись.

Все происходило быстро. О-о-о, очень быстро!

Брызнула в стороны пластобетонная шрапнель – разлетелся вдребезги угол ремонтного цеха. И, двигаясь не вполне управляемым юзом, перед самым нашим носом пронесся один из «Крестоносцев».

Танк был великолепен и страшен. Темно-оливковое стелтс-покрытие на его боках текло и летело брызгами, не выдерживая напора огня, который рвался из дыры в районе кормового отсека. Дым бил куда-то вбок ощутимо материальной, плотной струей. Из такого дыма можно шить брюки и саваны.

Башня, разворачиваясь на ходу с завораживающей стремительностью, метнулась вправо. Красный крест в белом щите блеснул, казалось, на расстоянии вытянутой руки.

Пушка выплюнула невидимый заряд энергии – об этом можно было судить только по неприметной вспышке вокруг стабилизирующего кольца на дульном срезе. Куда танк стрелял – я не увидел.

В этот самый момент мы резко приняли в сторону, чтобы не влететь прямо в исполинский костер, в который на глазах превратилась корма танка.

Как раз вовремя!

Турбоплатформа кровернов высадила в танк, кажется, десятикратную норму своего разового бортового залпа.

Под перепуганное пицание тепловых датчиков мы заскочили в ремонтный цех через пролом, проделанный танком. Милитумы на предельной скорости загнали нас под прикрытие массивного испытательного стенда, на котором был распят горный робот-проходчик – гибрид крота, ужа и ежа.

Стена белого пламени прошла сквозь стену ремонтного цеха, как сквозь лист бумаги, и прокатилась по всему помещению, надорвавшись только в двух местах – вокруг испытательного стенда.

Завихряясь в этих точках разрыва, несколько язычков пламени – каждый длиной с анаконду – станцевали вокруг нас пляску маленьких адских лебедей.

Пронесло!

Мы уже поняли, что главное – нигде не задерживаться дольше одного вдоха.

Вдоль северной стены цеха мы уже пробежались – когда были снаружи. Ее больше не было.

С восточной стеной нам тоже было по пути. Более того, славно было бы пройти вдоль нее внутри цеха. Но оказалось, что цех кишмя кишит термитами.

Чен выдал гадам три гранаты, я прикрыл нас экранирующим облаком, и мы пулей вылетели под открытое небо.

К моему изрядному удивлению, горящий танк все еще был жив.

Правда, гордую эмблему батальона с его башни как корова языком слизала. Да и сама башня была больше похожа на подтопленную плазмометом сахарную голову.

Башню, конечно же, заклинило – как и приводы вертикальной наводки пушки. Но упертые, как бараны, танкисты загнали нос своей машины на вал... задрали таким образом свою пушку в небеса... и, подрабатывая остатками гравитационной тяги, совместили с чем надо перекрестие, так сказать, своего прицела. Хотя какой там «прицел», какое «перекрестие»!

Сверкнуло стабилизаторное кольцо пушки.

Наушники затопило оглушительным треском – выброс энергии был за пределами критического максимума.

Далекая турбоплатформа, которую я в первое мгновение принял за черную мушку в собственном глазу, расплзлась по небу кудрявым розоватым облачком.

Виват, «Крестоносцы»!

Конечно, кроверны не преминули ответить...

Мы улепетывали прочь из этого пекла в еще худшее пекло и потому не увидели, как именно сгинул этот стопятидесятитонный огарок воинской доблести.

Но то, что его прикончили, – гарантия. Обломки, которые обогнали нас на первой космической скорости, принадлежали танковой пушке и ничему иному.

Дальше нам предстояло пройти через эллинги рекультивации.

Как я понимаю, компания-владелец Копей Даунинга, равно как и любая другая контора, лакомая до содержимого иноземных недр и околопланетных пространств, согласно Экологическому Кодексу Содружества обязана компенсировать ущерб, наносимый биосфере.

Или хотя бы делать вид, что она этот самый ущерб компенсирует.

Угробил миллион гектаров леса – посади рощицу местных березок и рябинок. Отравил море – налей искусственное озеро. Слопал железный астероид – запусти новый. Хоть из говна.

Копи Даунинга портили в основном почвы. Это мне стало ясно за те семь минут, в течение которых наше отделение – тогда еще целое-невредимое – летело от сожженного леса к заводу. Тогда выяснилось, что лес был последним оплотом местной природы в районе Копей.

В радиусе тридцати километров вокруг завода поверхность Глокка представляла собой обезвоженную, загаженную, замусоренную полупустыню.

Вдали то и дело мелькали существа, подозрительно похожие на мутировавших крыс. Притом – прямоходячих.

Кроме этого, поближе к Копям было полно котлованов, готовых поспорить в живописности с хорошим лунным цирком.

Ясное дело, котлованы не являлись результатами метеоритных или ядерных бомбардировок. Это проседала почва в районах особо активных выемок породы...

Так вот, в рекультивационных эллингах компания готовила новые плодоносящие земли взамен загаженных. Всякие полезные бактерии и простейшие, а также червячки, жучки и паучки – и притом все сплошь местные, а как же иначе? – освещаемые, обдуваемые и облучаемые специальными машинами, должны были превратить суглинок, смешанный с туфом, в полноценные глиноземы.

Чистая алхимия.

Правда, на пути сюда я что-то не заметил следов этой благородной алхимической деятельности.

Допускаю, что начальство Копей планировало осуществить свою алхимию в будущем.

На следующей неделе.

Через месяц.

Допускаю.

Как бы там ни было, эллинги компания построила. И действительно заполнила разновысоческой гнусью вперемежку с буйной флорой.

Но первым, что мы увидели, когда вломились в элинг, был опрокинутый набок гравилафет плазменной пушки. Первого взвода нашей же роты.

Вот они, родные цифирьки и родной значок: трезубец с насаженной на него скатообразной рыбкой. Смешно, что эмблемка эта была придумана лет за семьдесят до первой встречи человечества с кровернами.

Ни противника, ни нашей пехоты, ни трупов поблизости не было. Просто лежит себе выключенный гравилафет без видимых повреждений и – ничего подозрительного. Если не считать некоторого количества крупных звездообразных следов. Существ или техноматов, оставляющих подобные следы, в базе моего милитума не сыскалось.

А прямо перед нами высилась стена здешней синюшной зелени, эдакие своеобразные банановые деревья небывалых размеров.

И плоды были соответствующие – вроде перезревших кабачков в человеческий рост длиной. Сок из кабачков так и струился. Да и вся рекультивируемая почва была завалена переспевшими плодами.

Ну, бананы-кабачки нам не помощники, а вот с такой дурой, как гравилафет, жить можно!

Гравилафет тем хорош, что запас мощности у него троекратный. Он может плазменную пушку с двумя пехотинцами расчета тянуть. А может – громадный ротный радар дальнего обнаружения. Или ракетный комплекс ближней противокосмической обороны.

Вес у обычной спаренной плазменной пушки не такой уж и большой, так что на лафете, кроме операторов, можно возить еще целое отделение.

Во время штурмовых бросков так обычно не делают. Чтобы противник не мог одним удачным попаданием угробить все отделение. Но на марше или в особых условиях – пожалуйста.

Конечно, в нашем случае условия были особые, с индексом «ДУ» – «в Дерьме по Уши».

Теперь у нас был свой, персональный VIP-транспорт. И слава богу. Потому что индикаторы глидеров уже мигали муторным желтым цветом. И энергии с кот наплакал, и перегрев немаленький.

Дуракам везет. Уверен, если б с нами Зага не было – нашли бы мы хвост от горелого кроверна, а не гавилафет.

Включили. Милитум проснулся, сказал «здрасьте» и попросил пароль.

Тут уже сержант выручил, наплел всякой тарабарщины. «ОК», согласился милитум.

Машина приняла вертикальное положение и пошевелила стволами пушек.

Сержант и Заг, как самые опытные, заняли сиденья операторов – соответственно водителя и стрелка, – а мы с Ченом примостились по бокам.

Как там Гагарин говаривал? «Наливай?» «Раздевай?»

«Заводи!»

Удивляло, что в стене псевдобанановых зарослей не виднелось ни малейшего просвета. Стены, прозрачный потолок и самые обычные раздвижные ворота, через которые мы пробрались в эллинг, тоже были с виду более или менее целыми.

Правда, ворота заклинило, и в неширокий зазор между створками мы протиснулись не без труда. Особенно туго пришлось мне – мешала спасательная капсула с найденышем.

Как же сюда попала пушка? И соответственно, куда прикажете двигать нам?

Вначале я хотел пробить стену и идти по открытой местности. Но встреча с летающими рифами кровернов не входила в мои планы. Поэтому я приказал двигаться на малом ходу вдоль зарослей.

Эллинг был настолько широким, что в нем спрятался бы целый крейсер. Выяснилось, что с того места, где мы нашли пушку, просто невозможно было заметить оросительный канал, проходящий через эту искусственную чащобу из одного конца эллинга в другой.

Над этим-то каналом мы и полетели.

Над этим-то каналом мы и засекли ходячую стрекошвейку.

Вот дрянь!

Учили меня, учили, ага. Знал я, знал, что ее в некоторых батальонах еще называют «призрачным сверчком». И что в большинстве случаев этот синтетический техномат *в буквальном смысле невидим*.

И не только визуально – тепловые, магнитные, ультразвуковые датчики тоже бессильны. Обнаружить стрекошвейку можно, тупо врезавшись прямо в нее, что бывает очень-очень редко.

Либо при помощи тяжеленного квантометрического оборудования, которое могут позволить себе только танки и спецмашины.

Либо – «по косвенным признакам».

Страшно было до ужаса. Потому что мы обнаружили дьявольский техномат именно «по косвенным признакам».

Заросли на том конце канала вдруг посыпались серым пеплом. Почти сразу же вслед за этим из них, пятясь раком, выступили два пехотинца.

Они двигались пешкодралом, глидеры были выключены.

Их «Сьюздали» лупили вверх – в пустоту, клянусь! – короткими, но частыми, отчаянными очередями.

Хрупкий потолок эллинга разлетался на куски величиной с мегапиццу из сети закусокных «Ням-ням».

Раздался громкий стрекот – ну точь-в-точь кузнечик.

Гусак – бывалый бродяга, ничего не скажешь! – мгновенно сообразил, чем пахнет, и уронил лафет в оросительную канаву.

Мы с Ченом оказались по горло в воде, но Гусака это не взволновало.

Одного из пехотинцев резко развернуло к нам лицом. Я поначалу не сообразил, что именно вижу – соображалка моя прокрутила несколько холостых оборотов.

Но потом понял: я вижу ровный ряд дырок, пересекающих экоброню бедолаги от наплечника до подвздошья. Сквозь дырки виднелись беленькие ворота эллинга.

Второй пехотинец упал, где стоял, – его даже не крутнуло.

Заг, которому особого приглашения не требовалось, навел пушки примерно в ту же точку, куда только что пытались засадить по полному боекомплекту погибшие пехотинцы.

– Замрите, – еле слышно прошептал Гусак.

Стрекошвейка нас все-таки не заметила – уж больно увлеклась расстрелом этих двоих. Это ее единственное слабое место: будучи сама невидима, она не очень-то здорово засекает цели. Особенно в боковых секторах обзора.

И все равно эта дрянь небось посреди банановых зарослей уже целое отделение положила! И уж почти наверняка расчет той самой пушки, на которой мы все сейчас сидели...

Новая туча пепла взметнулась вверх и повисла в воздухе.

А вслед за тем вода в канале возле убитых пехотинцев всколыхнулась. Похоже, техномат вышел из укрытия полакомиться.

Я чуть не ахнул, когда половина тела одного из убитых пехотинцев на моих глазах растворилась в пустоте. Разумеется, вместе с экоброней.

– Огонь, – приказал Гусак.

Он снова принял командование – и правильно. Я слова не мог вымолвить от страха. Кроме того, у меня не было опыта в таких гнилых раскладах.

Все мы выстрелили почти одновременно.

Чен выпустил гранату, я – очередь из «Сьюздали».

Жахнули плазменные пушки – Заг мгновенно перебросил стволы из прежней точки прицеливания в новую.

Не стрелял только Гусак – ему было совсем несподручно, с водительского-то места.

Зато Гусак сразу же дал «вверх» и почти одновременно «самый полный вперед».

От такого обращения машина наша недовольно зарычала. И рванула так, что я едва удержался на скользкой от тины подошве гавилафета.

Над условно поврежденной стрекошвейкой мы прошли так высоко, что едва не зацепили перекрытия эллинга.

Ничего внятного я так и не успел увидеть. Единственное – я наконец понял, почему тела убитых операторов пушки исчезли бесследно.

И еще я понял, что бывают ходячие стрекошвейки. Которые оставляют неглубокие звездообразные следы.

Во всех тактических наставлениях, выпущенных до операции на Глокке, сообщалось, что техноматы с аморфной структурой перемещаться не могут в силу специфики своих свойств. Их, дескать, тогда сразу же можно будет увидеть, воздух вокруг них засветится, исказится и «оконтурит» движущийся техномат.

Какое там! Эта стрекошвейка замечательно двигалась, была снабжена дополнительным дезинтегратором, и при этом ее ровным счетом ничего не «оконтуривало».

Если так пойдет дальше, мы проиграем войну.

* * *

За нашей спиной растекались расстрелянные из плазменных пушек ворота эллинга.

Впереди все тонуло в клубах подозрительно красной пыли, поднимающейся высоко-высоко и затмевающей солнце напрочь.

По бокам без движения лежали несколько наших в расквашенной экоброне. Вряд ли имело смысл останавливаться, чтобы проверить у них пульс.

В глубокой воронке с остекленевшими краями горел танк, развернутый кормой к Копям Даунинга.

«Эге, не одни мы пытались отсюда улепетнуть», – это было первое, что я успел подумать.

«Может, хоть эта пылюка нас прикроет?» – такой была вторая мысль.

И точно. Десантный катер, до отлета которого, если верить сладчайшему голоску, оставалось девяносто секунд, находился где-то там – в недрах завихряющегося красного бурана. Либо за ним – тут милитум был бессилён что-либо подсказать, не хватало данных.

Сержант Гусак твердой, прямо скажем, деревенеющей рукой направил гравилафет ровнехонько по касательной к густым потокам летучей мути.

Мой лидер сразу же «ослеп», что, впрочем, неудивительно – мы находились внутри распотрошенной, разболтанной в воздухе горы красной глины. Твердые частички этой глины благополучно заглушили все: и лазер, и звуковой радар, и термосенсоры. И – на закуску – радиосвязь.

Единственное, что работало, – инерциальная навигационная система. Она зависела только от спидометра и компаса.

Гусак знал главное: какой курс держать, иначе сгнули б мы посреди мряки. Как, полагаю, многие другие наши товарищи.

Впрочем, кто знает? Может, к тому моменту на всем Глокке вообще не осталось живых людей, кроме нас.

Здесь, внутри пыльной бури – как потом выяснилось, искусственной, – ветер был такой, что пушка еле-еле тянула. Ее все время норовило увести вбок или утащить наверх.

Армейское – значит, отличное. Думаю, мало найдется в Галактике летательных аппаратов, которым хватило бы мощности удерживать курс в подобной болтанке.

Ну ничего. Кое-как продержались. И внезапно выскочили в кубатуру, заполненную чистым-чистым, прозрачайшим воздухом.

Момент истины.

Мы находились внутри круга метров трехсот в диаметре. Вокруг бесновались потоки пыли, но здесь было спокойно, как в гробу.

В центр круга входила... как бы это лучше выразиться... водяная труба. То есть столб из чистой воды. Столб сечением с наш гравилафет. Он уходил ввысь, насколько хватал глаз, и исчезал... честное слово, не знаю где.

Думается, в каком-то исполинском летательном аппарате, космическом водовозе, а?

Но каждая атмосфера имеет предел прозрачности, а объект этот, водовоз, находился по ту сторону этого предела. Так что видно его не было.

Кроверны накачивали Глокк водой. *Своей* водой.

Вот так вот. Тогда я даже подумал, что тот странный кроверн в биоскафандре и свора монстров, которые на нас напали в аварийном контуре, тоже спустились прямо из космоса по этой трубе.

Хотя трубы никакой не было. Одна лишь вода. Которую удерживало... я бы сказал – силовое поле... сказал бы, если б сам себе верил.

Мне представить просто страшно, какая для этого нужна энергия. Да Фратрия, местное солнце, столько за месяц не нажигает, вот что!

Все оставшееся место между стенами из пыли и трубой было занято. Во-первых, конусами цвета оловянной бронзы, расположенными в вершинах правильного шестиугольника. Во-вторых, наполовину вылезшими из земли червь-танками.

Червь-танков было не меньше дюжины.

Рядом с ближайшим из них я успел заметить раздавленный корпус десантного катера земной модели.

Широкое жерло нейтронного бластера червь-танка плавно поползло в нашу сторону.

Вот такая картинка. Вот все, что я увидел и запомнил.

Не спрашивая «А можно ли, сениор Серж?» и даже не предупредив о своей придури, Заг перебросил стволы влево и всадил в эту химерическую трубу добрую порцию плазмы...

Хорошо, что труба была водяная, а не медная, еханий осел.

Есть такие системы – динамически стабильные. Например, юла. Стоит себе, стоит, пока крутится. Крутиться стала медленнее – и упала-покатилась.

Не знаю, что мы там кровернам сломали, но эта трижды драная водяная труба явно представляла собой динамически стабильную систему. А от выстрела Зага всей стабильности пришел каюк.

Гусак успел увести наш гавилафет из-под надвигающегося фокуса нейтронного бластера, когда хлынул настоящий ливень.

Вперемежку с градом.

Вперемежку со снегом.

Вперемежку с ледяными глыбами и потоками жидкой грязи.

Вода из разрушенной силовой трубы выпадала в том виде, какой более приличествовал температуре на той высоте, на которой ее застала катастрофа. Вдобавок влага местами перемешалась с пылью, которую, похоже, технологическое колдовство кровернов тоже подняло до самых стратосферных высот.

Наша пушка рванула прочь. Заг орал как резаный – сперва его окатило потоками ледяной воды, а потом накрыло градом.

Градины, к его счастью, были не очень крупными – с ноготь. Зато твердыми, как гранит: в них вмерзла глиняная пыль.

За нами погнались – как не погнаться? Да только в таком бардаке видимость была еще хуже, чем на дне черной дыры!

Все кончается – и слава богу.

Кончается даже самое плохое.

Свежий воздух открыл нам свои объятия, показал солнышко и новую картинку.

Вот она, «Малая зона Е»! Вот она, родная!

Радость моя сторела, как архаическая серная спичка, – еехватило на две секунды.

Вместе с ней погасло солнце, и нас нагнал шквальный ливень. Буйство имени Разрушенной Водяной Трубы продолжалось.

Большой танкодесантный планер на двенадцать машин со все той же эмблемой «Крестосцев». Вокруг него – уничтоженная в полном составе танковая тетрария. Все машины разбиты однотипно, ударами с воздуха. А может, и из космического пространства.

А дальше – целое кладбище. Насколько хватает глаз.

Мне плакать захотелось. Выть – так, чтобы кишки вывернуло через уши.

Еще сгоревшие танки. Наши, пехотные, десантные катера. Ротный радар, перерубленный пополам потерявшим управление обгоревшим гавилафетом.

Людей – довольно мало. Видимо, в отличие от тяжелой техники, они либо не смогли выбраться из Копей Даунинга, либо так и не получили приказа об отступлении. И все – мертвецы.

Раскуроченные эвакуационные танковозы, которые должны были забрать тяжелую технику обратно на транспорты. Раз их успели сюда прислать, значит, полагали, что операция завершена, сражение выиграно...

Дьявол, да что же здесь произошло, пока мы торчали под землей? Как кроверны смогли прорваться в зону высадки?! Куда смотрела Седьмая эскадра?

Но главное: нигде, насколько хватал глаз, не было и намека на работающий, целый, способный утащить наши геройские задницы прочь с Глокка десантный катер. А ведь, судя по силе сигнала и пеленгу, он находился где-то в радиусе двухсот метров! Едва ли не на том самом месте, где торчал громоздкий танкодесантный планер.

Неужели ловушка?!

Я мог бы подумать об этом сразу!

– Пушку на грунт! – приказал я не своим голосом. – Чен, за мной! Сержант Гусак, если мы не вернемся – поступайте по своему усмотрению.

О, это одна из величайших глупостей, какие я говорил в своей жизни! Можно подумать, были какие-то особые варианты и связанные с ними «усмотрения»!

Вариантов было ровно два: пустить себе пулю в лоб или попытаться сдаться в плен. Второй вариант был в конечном итоге равносильным первому.

Ливень не утихал. Когда мы с Ченом достигли танкодесантного планера, я оглянулся. Гравилафет полностью растворился в серой невнятице.

«До отлета осталось двадцать секунд», – сообщил милитум катера-невидимки.

Если здесь притаилась стрекочвейка – чего ты ждешь, стерва? Ну, стреляй, пришивай!

– Сениор, а вот и он, – сказал Чен.

Остроумно. Я, может, и не догадался бы. А Чен не поленился проверить.

Аппарель танкодесантного планера была полуприкрыта. Содержимое его вместительнейшего брюха с земли не просматривалось. Но мне, слишком умному олуху, и без того было ясно, что там ничего нет и быть не может.

Потому что планеры делают рейсы только в один конец.

Они доставляют тяжелую технику на планету. После этого о планере забывают. Он больше никому не нужен, ведь своим ходом в космос выйти уже не может – на то и планер.

Если технику после боя нужно с планеты забрать, это делают другие специализированные катера-эвакуаторы.

Неудивительно: в Генштабе давным-давно подсчитали, что в среднем на поле боя не выживает и половины тяжелой техники. То есть «доставить танки» и «забрать танки» – две большие разницы.

Так вот. Какой-то умник – скорее всего бортовой милитум – загнал пехотный катер внутрь грузового отсека планера. Спрятал его там от воздушно-космического наблюдения. И прикрыл аппарель.

Последние секунды – самые вязкие.

Невыносимо медленно сквозь располосованный красноватым ливнем воздух проявляется гравилафет.

Сержант Гусак все-таки потерял сознание, и Загу пришлось взять управление на себя, через дублирующую систему на месте наводчика.

На полу транспортного отсека танкодесантного планера лежит пилот воздушно-космических сил с нашивками лейтенанта. Пилот мертв. Следы насилия на теле отсутствуют. Рядом валяется сорванная кислородная маска...

Что бы это ни значило, ясно одно: живых людей на борту катера не предвидится.

Чен препирается с милитумом катера. Тот соглашается отложить вылет на тридцать секунд и открывает один из лацпортов. Чен затаскивает мертвого пилота внутрь.

Мы с Загом возимся с сержантом. Сержант в несознанке. Его милитум отказывается внимать нашим увещаниям и глидеры не включает.

Экоброня Гусака заодно с самим Гусаком сразу же превращается в три центнера абсолютно бессмысленного, неуклюжего барахла.

Мощности моих глидеров еще хватает, чтобы тащить Гусака за транспортировочную ручку, выдвигающуюся из экоброни у основания шеи. Но мне самому уже недостает ловкости пропихнуть нескладную ношу в зазор между поднятой аппарелью и корпусом планера.

Матерщина. Просто удивительно, как нас пока еще не отыскали червь-танки.

В любое мгновение мы можем получить призовую порцию сверхбыстрых нейтронов. Ведь кроверны повсюду!

Заг советует расстрелять аппарель из пушки. Тогда Гусак точно пролезет. А десантный катер – точно вылезет. Все равно ведь мы не уверены, что компьютеры катера смогут эту клятую аппарель опустить – за нее ответственны другие устройства, на борту планера. Не факт, что они между собой договорятся.

Хуже идеи и придумать нельзя. Пальбу из плазменной пушки кроверны точно засекут. Но других вариантов нет.

Под дождем стрельба выглядит особенно эффектно. Будто мы собрались маячить таинственным взеземным цивилизациям в соседнюю галактику.

В потоках плазмы капли дождя перед гибелью запускают во все стороны ослепительные разноцветные лучи – ну точно рекламные лазеры. Над планером встает яркая, сочная радуга.

Полнейшая демаскировка!

Аппарель поддается плохо; как-никак, она рассчитана на солидные термические перегрузки при входе в плотные слои атмосферы. И хотя основная термоизоляция планера благополучно рассыпалась при посадке на Глокк, остается еще второй, страховочный слой.

Наконец, после дюжины выстрелов аппарель не выдерживает и падает. Она похожа на сгоревшую книгу. Слоистая изоляция торчит из нее, как черные испеленные страницы.

Мы в катере. И все еще живы.

Я наконец-то могу швырнуть Гусака на пол. Прямо на тело пилота. Мне безразлично. Всем безразлично: и Гусаку, и мертвому лейтенанту – но по разным причинам.

– Внутренние помещения герметизированы и проветрены. Время до отлета – девять секунд.

«Вас повезет автоответчик». Старинная шутка. Ее очень любил в молодости мой папаша – по словам моей мамы.

Попутно выясняется, что дверь в пилотскую кабину катера закрыта. Ни апелляции к бортовому компьютеру, ни кнопки ручного управления дверью не дают эффекта. Это, впрочем, без разницы: никто из нас не имеет пилотского сертификата.

Сертификат, кажется, есть у сержанта, но сержанта с нами уже нет. Переутомился.

Чен воткнул разъем своего милитума в гнездо интерфейса и продолжает общение с бортовым компьютером катера на птичьем языке секретных кодов и запрещенных командных последовательностей.

По-моему, это лишнее. Еще сломает что-нибудь, ка-ак гробанемся!

– Чен, убери лапы!

Чен не реагирует.

Но тут уже возмущается милитум:

– Попытка несанкционированного проникновения в ядро головной системы. Порт отключен. Рапорт о служебном проступке рядового второго класса Чентама Делано Амакити будет направлен вышестоящей инстанции.

И тут же, без передышки:

– Двигатели переводятся в режим горячего ожидания. Всем занять места в десантном отсеке.

– Железо, – говорит Чен.

В этот момент мне кажется, что он готов выпустить последние гранаты «Тандера» прямо в электронную начинку катера. Главное – я не понимаю, чего он хотел добиться своей возней. Похоже, и сам Чен не в состоянии дать внятный ответ.

Вест-японец прячет разъем и садится в амортизированное сиденье десантного отсека. Заг падает рядом с Ченом.

Я тоже пытаюсь последовать их примеру, но спасательная капсула, по-прежнему примотанная к моей груди, цепляется за стойки подлокотников. Плохо пока еще приспособлены наши десантные катера для нужд одиноких отцов с грудными детьми! Чудный заголовок для проблемного репортажа...

Катер уже вздрогнул и пополз. Чена и Зага тут же прихватывает коробчатая стальная арматура с резиновыми прокладками. Жесткая фиксация – чтобы во время тряски-болтанки не влететь головой в брюхо соседу.

Надо было бы усадить еще и сержанта, да я как-то упустил из виду. Менять что-либо уже поздно – пока катер не выйдет из атмосферы, жесткая фиксация не отпустит.

Единственное, что успокаивает мою совесть: я, как и Гусак, вынужден усесться на пол. Прихватываю свою левую руку универсальной пленкой к подлокотнику ближайшего кресла. А ногу приматываю к здоровой ноге Гусака.

Импровизация, идиотская импровизация, конечно. Но надо же что-то делать?!

Новый приступ страха. Вот теперь в нас точно вмажут. Так вмажут, что одинокие, осиротевшие молекулы наших тел разнесет по всему Глокку. Сольемся с природой в экстазе.

Катер швыряет в сторону. Неужели и правда стреляют?

Ничего. Летим вроде пока.

Начинаем стремительный набор высоты. Пол отсека задирается под победительным углом в шестьдесят градусов. Труп лейтенанта летит мимо пустых сидений и расшибается о двери двигательного отсека. Ну мы мясники...

Нас с Гусаком тоже сейчас обо что-нибудь расплющит. А как же?!

Пленка трещит и тянется. Это отличный материал, его удельная прочность в сто семнадцать раз выше стали – так говорили в учебке. Сейчас проверим.

Пленка пока держит.

Заг срывает кислородную маску и орет песню. Он ничего лучше не нашел, как исполнить своим гнусавым баритоном «Прощание землянина». Тупой слезоточивый шлягер позапрошлого сезона.

Сожми меня в объятиях, родная,
Я очень ненадолго улетаю.
Мы встретимся – ты, главное, не верь,
Что для таких, как я, возможна смерть...

Какой умственно отсталый, интересно, слова сочинял – «возможна смерть»? Когда тут уже с трудом верится, что жизнь в принципе возможна! Что жизнь «есть форма существования белковых тел», а не смерть. А что, тоже неплохо: «смерть есть форма существования белковых тел»...

Хорошо хоть Чен не подпевает.

Набор высоты прекращается. Зато катер закладывает чертовски крутой вираж. Усиливается и болтанка.

Мертвый лейтенант летит ровно в морду Загу. Так тому и надо, певуну.

Интересно, наш катер улепетывает от кровернов или все-таки заметил один из наших транспортов и хочет к нему подцепиться?

– Рядовой второго класса Серж ван Гримм запрашивает катер LAS-18⁵ «Кленовый лист». Доложи обстановку.

– Курс... высота... скорость... крен... тангаж...

Катер сыплет цифрами. Из всей этой муры о чем-то говорит высота. Мы идем примерно на границе стратосферы и тропосферы.

Если бы в десантном отсеке были окна, мы бы увидели уже не синее небо, а темную ска-терть Пространства и блеклые звезды на ней.

– Ты видишь противника?

– Наблюдаю множественные скопления искусственных объектов. Девяносто два процента по принадлежности опознать не могу, поскольку они находятся за пределом разрешающей способности пассивных СОН.⁶ Активные не применяю в целях маскировки. Восемь процентов объектов опознаны.

– Доложи результаты опознавания.

– Объекты противника: два линейных крейсера типа «Каравелла», два корвета типа «Лиса», восемнадцать истребителей-амфибионтов типа «Дзета», три корабля неопознанного типа. Наши объекты: три истребителя-амфибионта типа «Спага», пять десантных катеров типа LAS, крейсер «Лиепая», крейсер-носитель «Маршал Жоффри», танкодесантный транспорт «Тарава».

– Что там происходит?

– Общий вопрос. Прогноз по развернутому ответу в аудиорежиме: 74 стандартных часа. Начинать?

– Нет! Конкретизирую вопрос! Мы направляемся к транспорту «Тарава»?

– Нет.

– Мы направляемся к какому-либо из кораблей Седьмой эскадры?

– Нет.

– Куда мы направляемся? М-м, нет!.. точнее: доложи полетный план.

– В настоящее время я, используя маскирующие свойства третьего слоя Хевисайда планеты Глокк, направляю катер на ночную сторону планеты. Там я намерен произвести окончательный отрыв от атмосферы Глокка и направить катер в направлении планеты Фрагрия-4. В непосредственной близости от планеты я направлю катер на ее ночную сторону. Там я переведу катер в режим минимального энергопотребления.

Я понимаю стервеца. В общих чертах.

Кроверны имеют нас и спереди, и сзади. Их эскадра, которая, по данным разведки, была в районе Глокка небольшой и слабо вооруженной, неожиданно оказалась мощной, многочисленной ордой.

Как подобное превращение случилось и почему его считали невозможным штабисты Флота Большого Космоса – не моего ума дело. Но результат, как говорится, на лице: кроверны нанесли комбинированный контрудар. Отогнали, а может, и уничтожили наше космическое прикрытие, выбросили свой десант в районе Копей Даунинга и одновременно начали трусить Седьмую эскадру.

⁵ LAS – Landing Assault Shuttle (классич. амер.), Lendin Asolt Shatl (интерл.) – десантно-штурмовой катер.

⁶ СОН– средства обнаружения и наблюдения.

И все-таки там по-прежнему полно наших кораблей! Они ведут бой! И еще вполне могут смыться! Подобрать нас – и смыться, уйти в подпространство, оставить кровернов с носом! Та же «Тарава»!

А милитум что – повредился в своем искусственном умишке? «Уйти на ночную сторону... Направиться на Фратрию-4...»

– Дай связь с Седьмой эскадрой.

– Не могу выполнить ваш приказ.

– Почему?

– Не могу применить активные средства. При включении внешних излучающих устройств вероятность обнаружения катера противником повысится на сорок четыре процента и составит девяносто девять целых девяносто девять сотых процента.

– Я настоятельно приказываю тебе дать связь с Седьмой эскадрой.

– Назовите свой код особого доступа.

Приехали. Ну откуда у меня может быть код особого доступа? Он был вот у этого самого мертвого лейтенанта ВКС,⁷ да и то не факт.

А голый понт не поможет?

– Ты обязан подчиняться любому бойцу правительственной штурмовой пехоты, – говорю я вкрадчиво-вкрадчиво, требовательно-требовательно, как колеблющейся девственнице. – Особенно если твое подчинение может спасти жизнь этому бойцу. И даже целым четверем.

– Код не принят.

– Это был не код, кретин. Это было, м-м... напоминание. О твоих базовых алгоритмах.

– Не говорите глупостей.

Я понимаю, что милитум лишен сознания. И даже способностей к самообучению. Все его слова, все его фразы – это клише, заложенные в него людьми. В конечном итоге такими же придурками, как я сам.

И это его менторское «не говорите глупостей» – всего лишь одна из предусмотренных реакций на определенные обстоятельства.

С тем же успехом милитум мог бы сказать «абубыбу». Ему все равно, что говорить, ведь со мной разговаривает *ничто*. У него нет *ума*. Он не может сам говорить «глупости» или «умности». Он лишен способности к подлинной оценке чужих слов. И так далее...

Но такие рассуждения не очень-то успокаивают, когда железяка собирается вас утащить в черную пустоту, где нет и не может быть ни наших кораблей, ни баз, ни автоматических спасательных аппаратов, ни даже простеньких разведзондов.

Десантные катера типа LAS – это новые, очень хорошие летательные аппараты-амфибионты. Они могут летать в двух средах: в атмосферах (различных типов) и в вакууме, то есть межпланетном пространстве.

У них достаточно большие запасы энергии, чтобы совершить посадку, взлет, а затем еще преодолеть расстояние, например, от Земли до Марса.

Однако ни проколоть Альбертову сетку, чтобы достичь какой-либо базы Содружества, ни даже просто выйти на гиперсвязь с Оперативным Штабом наш катер не может. Не тот уровень энергооснащенности. На четыре порядка не тот.

Иными словами, катер LAS в крайних случаях способен служить маленьким межпланетным корабликом. Раньше пехотные десантные катера и этого не умели – их хватало только на посадку, взлет и сближение со своим «материнским» транспортом.

⁷ ВКС – воздушно-космические силы. Независимый вид вооруженных сил Содружества, который не следует путать с Космофлотом. В сферу ответственности ВКС входит преимущественно высадка и оперативно-тактическая поддержка планетарных десантов, а также обеспечение боевых действий сухопутных линейных частей и Сил Самообороны. Космофлот (КФ) занимается решением стратегических задач как в конкретных звездных системах, так и в Большом Пространстве: уничтожением кораблей противника, защитой транспортного флота, дальней разведкой и общим прикрытием планетарных десантов.

И вот теперь хитроумный милитум хочет использовать возможности катера на всю катушку! Улепетнуть от кровернов и спрятаться за соседней планетой. Но и – одновременно – обречь нас всех на смерть от удушья, холода и голода!

Потому что ясно: эту звездную систему Содружество потеряло. Контроль над ней окончательно перешел к кровернам.

Ясно: никто нас не найдет.

Потому что искать не будет.

Спустя неделю мы начнем дышать через маски с регенеративными патронами. Спустя десять дней – съедим Амакити. Но уже сегодня нам придется найти способ законсервировать мертвого лейтенанта. Как-никак, это девяносто килограммов человечины. Ну, без костей и требухи пускай сорок. Да это жратвы на полжизни!

Ладно, последняя попытка.

– Рядовой второго класса Сергей ван Гримм приказывает катеру LAS-18 «Кленовый лист». Игнорировать все прочие факторы, в том числе угрозы любых степеней. На предельной скорости сблизиться с транспортом «Тарава» и произвести стыковку. Разрешаются любые маневры. В частности, и те, которые совершаются с закритическими перегрузками. Твоя единственная задача – скорейшая стыковка с транспортом «Тарава».

– Выполнить задачу невозможно.

– Почему?

– Транспорт «Тарава» уничтожен.

– Корректирую задачу. Ты должен достичь любого корабля Содружества межзвездного класса и произвести стыковку.

– Выполнить задание невозможно.

– Почему?

– В пределах разрешающей способности моих пассивных СОН нет кораблей Содружества межзвездного класса.

– Что произошло с «Жоффри» и «Лиепай»? Э-э, нет! Стой! Уточняю вопрос. «Жоффри» уничтожен?

– Нет определенных сведений.

– «Жоффри» ушел в подпространство?

– Восемнадцать процентов вероятности – «да».

– «Лиепай» ушла в подпространство?

– Нет.

– «Лиепай» уничтожена?

– Да.

У меня ползет крыша. Чем дальше-дальше – тем лучше.

Я готов на любую, на любую самоубийственную авантюру, на один шанс из миллиона, лишь бы достичь своих. Лишь бы не коротать последние деньки на борту этой болтливой, нелюбезной калоши.

Осторожно подбираю слова.

– Приказываю тебе изменить курс. Ты должен направить катер... в зону скопления неопознанных объектов... в районе планеты Глокк... и отыскать среди них... корабль Содружества межзвездного класса.

– Назовите свой код особого доступа.

Ну ясно. Приплыли. Этот кибер-осел запрограммирован вполне стандартно. При любых обстоятельствах он обязан наилучшим образом спасти правительственную собственность, а именно солдат, катер и себя.

Милитум посчитал вероятности и заключил, что «наилучшим образом» он сможет спасти все это, если полетит на Фратрию-4.

Его решение может быть оспорено только офицером, которому известны коды доступа к произвольному голосовому управлению.

Некоторое время я молчу. Кажется, даже сплю. А может, просто из моих мозгов выветрились последние мысли и меня нет ни в бодрствовании, ни во сне. Серж Барракуда, как настоящая барракуда, спит с открытыми глазами и ничегошеньки не думает.

Еще некоторое количество болтанки и маневров. Малость невесомости.

Потом включаются межпланетные двигатели. Ускорение вначале довольно жестокое, под три g. Оно постепенно уменьшается и, судя по ощущениям, приходит к мягенькому, детскому ноль пять – ноль шесть g.

Подымаются фиксаторы сидений. Чен и Заг сразу же вскакивают на ноги.

– Катер LAS-18 «Кленовый лист» приветствует правительственную штурмовую пехоту. Поздравляю: вероятность уничтожения нашего летательного аппарата противником резко снизилась и в настоящий момент составляет пятьдесят четыре процента. Вы можете покинуть сидячие места, разоблачиться и отдохнуть. Скорость полета... Температура межзвездного газа...

Тра-ля-ля. Бла-бла-бла. Что такое «разоблачиться»? Перед кем разоблачиться? Это как – «покаяться»? А, «раздеться»! Хорошо излагает, сволочь. Литературно!

Первым делом мы с Ченом срываем шлемы. Загу с себя срывать особо нечего, кроме остатков экоброни. И все равно эту операцию приходится проделывать при помощи двух отверстий и нескольких специальных электрочувствительных ключей.

Чен помогает Загу. Я сразу же снимаю с себя капсулу с дитем и начинаю потихоньку раскручивать экоброню сержанта.

Спохватываюсь, ищу большой холодильник для мертвого лейтенанта. «Хопкинс» – написано на нагрудной нашивке лейтенанта, я наконец удосужился прочесть.

Хопкинс важнее. Хопкинс – наш завтрак, обед и ужин. Начиная с первых чисел стандартного апреля.

А сержант Гусак – так, тля. Всего-то лишний едок.

Для Хопкинса на катере места нет. Холодильник здесь один, и притом небольшой. Правда, жратвы в нем полно. Виднеются и бутылочки. Но это теперь – не для меня.

О! Шлюз! Точно, между дверью и лацпортом. Там хо-о-олодно.

Лейтенант спрятан в космическую морозилку, возвращаюсь к сержанту. Субординация превыше всего.

Гусак по-прежнему без сознания.

Ну что с ним делать? Я не доктор. Специального медицинского оборудования на катере нет.

Ну хорошо. Покрываю синеющие клочья разодранной сержантской плоти мазью «Живец». Делаю перевязку. Колоть ему что-либо сейчас – не лучшая мысль. Инфрабиотик? Ну ладно, на тебе инфрабиотик.

Больше я ничего сделать для тебя не могу, сержант Милош Гусак. Поссать только поверх «Живца». Говорят, это эффективно. Раса В, веганцы, те вообще на уринотерапии поведены. Да ребята не поймут, особенно Заг.

Вот она, баночка моя заветная. С фуззи-колой.

– Ребята, я эту штучку нашел в аварийном контуре на Копях Даунинга. Когда мы наверх лезли, поклялся: год спиртного в рот не возьму! А свое спасение отмечу с вами фуззи-колой.

– Мы еще не спасены. Просто приговор отсрочен, вот и все, – равнодушно сообщает Чен. Заг пожимает плечами и принимает надпитую мной фуззи-колу. Пьет.

– Ффффуу. – Шумно сплевывает. – Да она тухлятины набралась! Из атмосферы Глокка!

– Подумаешь, лишняя унция сероводорода. Чен, хлебни с нами. Для меня это важно.

Чен делает крохотный глоточек, словно я дал ему микстуру.

Я, не меняясь в лице, допиваю до дна. Слава богу, баночка крохотная. Но все равно меня вот-вот стошнит.

Заг идет в соседний отсек, своего рода офицерскую каюту, и копается в том самом холодильнике, который я уже осматривал.

– Серж, ты уверен, что год спиртного в рот не возьмешь? А то тут есть некоторое количество.

– Я поклялся.

Заг распрямляется и смотрит на меня с прищуром. По моему опыту, он изучает таким образом объекты, которые собирается звездануть своим кулачищем. Обычно изучению подвергаются сапиенсы.

– Но ты же клялся на случай спасения?

– Ну да.

– А Чен тебе, кстати, верно сказал, что это еще не спасение, а отсрочка приговора. Может, нас сейчас кроверны догонят и – в распыл.

Заг прав. Бортовой милитум так и сказал: «Вероятность уничтожения пятьдесят четыре процента». Для простоты скажем – пятьдесят на пятьдесят. Либо долетим до этой проклятой Фратрии и будем жрать дохлого лейтенанта, либо сразу в пекло.

Бросил монетку, выпала «решка» – и умер. «Орел» – поживи до четверга.

И хотя дела обстоят отвратительно, я вздыхаю с облегчением. По крайней мере я жив и от своей идиотской клятвы свободен.

Мы уселись за откидной столик и разлили водку с загадочным названием «Первак» в пластиковые стаканчики для колы. Когда Заг разливал, я заметил – у парня дрожат руки.

Чен – тот, напротив, был воплощением олимпийского спокойствия. На мой вкус, даже слишком буквальным воплощением. Он развернул свое кресло к стене и с интересом наблюдал за происходящим. На глухой серой стене.

– Чен, водку будешь? – спросил я.

Мне тогда казалось, что я – воплощение психической адекватности.

Я даже аргументы себе приводил, что типа я не ранен, как Гусак. Не целовался в засос со скатом, как Заг. И не потерял друга, как Чен (я помнил, что с Ларри из палубной команды нашей «Румбы» он был не разлей вода, а Ларри, ясно, накрылся вместе с «Румбой»).

Но Чен словно бы меня не расслышал.

– Что, глухих повезли? – ехидно переспросил я. – Чен, я к тебе, между прочим, обращаюсь. Водка стынет!

Чен молчал. Он даже не пошевелился.

Не знаю, чего меня тогда пробило поволноваться? Но мне вдруг вспомнилось, что бывают такие виды оружия, которые действуют уже потом, когда вроде никто не стреляет.

У таких штук и название есть в классификаторах – «оружие отложенного действия». А вдруг Чена таким вот «отложенным»...

В три прыжка – и откуда только силы взялись – я подскочил к Чену и, схватив его кресло за спинку, что было дури крутанул его на себя.

Чен повернулся ко мне лицом, к стене – задом. Как ведьмин дом из сказки, что читала мне мама, когда моя голова была чуть больше кулака Зага. Я невольно вздрогнул.

Вишнево-черные, раскосые глаза Чена были открыты. И эти черные дыры в обрамлении кроваво-красных белков смотрели на меня с такой всепобеждающей ненавистью, что я невольно отпрянул.

«Потише, мудила!» – явственно читалось в этих глазах, но губы Чена не пошевелились.

Я покраснел, как мальчишка. Почему-то я ожидал увидеть на глазах Чена слезы. Короче говоря, в образчики психической адекватности надо было записывать кого-то другого. Но только не меня.

– Чен, слушай, ты извини, что я так... Но я подумал, что как-то это странно... ты уже десять минут сидишь не шевелясь. Ну и молчишь... Я подумал, может, ты ранен, мало ли...

Чен грыз меня своим взглядом еще с минутой.

И вдруг заговорил. Голос его прозвучал так резко, что я вздрогнул:

– Серж, я не хочу водки. Я думаю.

– И правда, Серж, отстань от него, – подал голос Заг из-за столика. – Поговори лучше со мной.

Мы выпили стоя и вдобавок молча.

Когда-то я слышал, что именно так пьют за погибших товарищей. Наверное, слышал такое и Заг, поскольку мы с ним приобщились к этому непомпезному ритуалу, не сговариваясь. А может, есть такой рефлекс у мужчин Т-расы, учеными еще не изученный.

– Ты сказал «поговори со мной», Заг? – переспросил я с некоторым, правда, запозданием. Водка ударила по мозгам с какой-то бронебойной мощью.

– Ну да. – Заг сощурился и замотал головой – тоже, видать, осмыслял выпитое. – Не то ведь и с ума сойти недолго...

Я бросил быстрый взгляд на стонущего на полу Гусака. Вот кто у нас был главным кандидатом на схождение с ума. После Чена.

– Тогда – представь, Заг. Вот завтра вернемся на Декстра Порту. Нам дадут увольнение, и мы с тобой дернем напрямиком в сауну. Там возьмем по пузырьку пива...

– Слушай, Серж, – довольно резко перебил меня Заг. – Давай не будем про «завтра». Сомневуха меня берет, что оно вообще наступит... Не разговор, а переводня хороших слов...

Я сразу заткнулся. Черт возьми, Заг был прав. При слове «завтра» у меня самого началось тоскливо ныть сердце.

И сомневуха меня тоже брала. С первых же минут здесь меня сверлило предчувствие, что катер «Кленовый лист» – последнее место, где мы с Загом можем взять себе «по пузырьку».

Наши с Загом глаза встретились. Одновременно с этим моя понятливая рука потянулась к бутылке «Первака». Мы выпили по второй. И тоже молча.

– Тогда говори ты, – предложил я. – А то и правда непорядок. Мы с тобой на базе все больше рожи друг другу драили. А поговорить так времени и не нашли...

– Это потому, что ты мне казался каким-то придуренным, типа как отморозком... – пояснил Заг.

– Ну спасибо, – буркнул я.

– Теперь не кажешься. После всего этого, – успокоил Заг. – А что, ты правда русский?

– Наполовину. Моя мать русская. Майор спецназа, между прочим. А отец – для простоты можно сказать, что голландец.

– Значит, ты должен знать, что такое «Первак». Это же русская водка? – спросил Заг, указывая на початую бутылку.

– Конечно, знаю! – соврал я. Надо сказать, это вранье для самого меня было неожиданностью. Это потом я сообразил, что мне ужасно не хотелось разочаровывать Зага в последние минуты его жизни. – Первак Грозный – это такой русский царь.

– Царь? – недоверчиво сощурился Заг.

– Ну да. Такой древний царь, как Сталин. Этот Первак был очень жестоким мужиком. Покорял разные страны, даже Китай завоевал. Говорят, он лично придумал такую пытку, когда человека сажают в железного быка и накаляют этого быка на огне. А когда человек внутри поджаривается и начинает орать, кажется, что это живой бык ревет-надрывается... Представь

себе, Заг, моим древним предкам это казалось прикольным... Я читал, что человек поджаривается в таком быке за две минуты...

– Это как в экоброне, когда термозащита в отключке, что ли? – выдвинул гипотезу Заг.

– Ну, примерно так. За свою жестокость Первак и получил прозвище Васильевич, – ввернул я.

Заг посмотрел на меня по-новому, вроде как с удвоенным уважением.

– Родился на Земле? – предположил он.

– А то! – дружелюбно оскалился я.

– Я так и подумал. Уж больно ты умный. Завидую, – сказал Заг и потупился.

– Постой, что значит «завидую»? – Я не понял.

Когда-то я своими ушами слышал, что Заг – землянин, американец, оттого и «Дакота». Зигфрид даже шепнул как-то по секрету, будто Заг такой упертый шовинист, что даже трусы у него цвета национального американского флага. Красные, что ли?..

– Да то и значит, что завидую. Белой завистью. На самом деле я ведь не на Земле родился.

А на станции возле Бетельгейзе. Называется «Шао-Линь-8».

– Но как же идентификационная карта? Там же написано...

– Ну да. Мои родители-то сами земляне. Отец как раз из Дакоты. Из Северной. Когда мои родители женились, они поехали навестить моих бабу и деда, у них там ферма была. На той ферме родоки меня и заделали... – хохотнул Заг. – А потом улетели обратно, на Бетельгейзе, талеры им нужны были до зарезу. Я там и родился. Но они попросили доктора написать, что я родился еще на корабле, разницы там – всего три дня. А корабль-то был американский. Тоже из Дакоты. Северной. Типа родился я на американской земле. Ну доктор и сделал такое им одолжение. Типа как подарок мне на день рождения...

– А-а... Понятно... Но, знаешь, по-моему, разницы особой нету... На Земле, на Центавре, на Бетельгейзе...

– Это ты думаешь, что разницы нету. Потому что у тебя есть родина. А у меня родина, выходит, какая-то консервная банка улучшенной планировки. Вот завтра решат, что станция неперспективна. Законсервируют ее или еще хуже – в Бетельгейзе загонят, чтобы не болталась понапрасну, пилотов не пугала. И не будет у меня родины вообще никакой...

Чтобы как-то замять неприятную тему, я разлил по третьей.

К счастью, из видеоокна слева от нас не было видно абсолютно ничего, кроме звезд. Он был сейчас ориентирован в полностью противоположный Глокку октант космоса. Еще одной неприятной темой для разговора меньше...

– Так что, ты там в этом «Шао-Линь-8» всю жизнь и просидел?

– Типа того. Ну, бывал еще кое-где. На Марсе был один раз – деньги лишние тогда водились...

– А девушка у тебя там имелась? – Я все пытался нащупать какие-то жизнеутверждающие темы для разговора, психоаналитик хренов.

– А как же! – сразу оживился Заг и тут же пригладил волосы, будто девушка ждала его прямо здесь, в аккурат за дверью в двигательный отсек.

Его смуглое лицо расцвело в довольно бесстыдной улыбке. Я сразу заметил, что на нижней челюсти Зага не хватает двух зубов. Видать, остались скату в качестве сувенира. Как шутили у нас на курсе рукопашного боя, «итоги операции: минус два». Впрочем, чего ему – фарфор...

– Как ее звали? Твою девушку?

– Лилиана, – произнес Заг, смакуя каждый звук.

– И где она теперь?

– Да там осталась. На «Шао-Лине-8». Она там работает. Младшим координатором системы жизнеобеспечения. Кофе разливает, на связи сидит, начальнице, лесбе старой, спину массирует...

– Перезваниваетесь?

– Ясный перец! На той неделе по видеосвязи с ней чирикал. Поправилась моя Лилечка, но так, немножко. Мне так даже больше нравится. Завивку сделала, покрасилась, блузка такая на ней была, с вырезом. – Заг показал, какой именно вырез был на блузке, получилось, что вырез довольно-таки порнографичный. – Сказала, что начальство ее послало в командировку. На Большой Ариман. Типа контролировать сборку новых систем биофильтрации. Есть такая планетка в тройной системе КР-11. Оттуда и звонила. Говорит, жарница там такая, что кондиционеры не выдерживают, текут...

– Известное дело... – поддакнул я.

– Вот дадут мне увольнение – так я сразу к ней мотну. Она говорит, что без меня просто подыхает! – старательно скрывая распирающую его гордость, сказал Заг. – Ну, я тоже за ней соскучился. Она в постели знаешь какая? Огонь! С ней не заснешь! Может, думаю, как отслужу – женюсь на ней. Уедем с этого траханого Шао-Линя на Землю. Хочу назад, в Дакоту! Человеческой жизни хочу!

– Значит, это у вас серьезно?

– А ты как думал – у нас любовь! – Заг поднял вверх указательный палец. Лицо его сделалось пунцовым от выпитого. А может, это была запоздалая реакция кожи на атмосферу Глокка...

– Ну а у тебя как с этим делом? Я имею в виду, с бабами?

Мы снова выпили. Водка привычно обожгла горло и медленно соскользнула в желудок.

Надо сказать, цель была достигнута. Ни я, ни Заг больше не помнили о том, что мы – на волосок от смерти. Что наш катер могут распылить в любую секунду. Что там, на той стороне планеты Фратрия-4, нас ждет та же самая, хорошо знакомая мадемуазель с косой наперевес.

От водки или просто от психического изнеможения мы с Загом сделались по-хорошему равнодушными.

И даже на Чена мне стало совершенно наплевать – я больше не оборачивался в его сторону. Пусть смотрит в свою стенку сколько влезет.

И Гусака я жалеть тоже перестал. Я знал: ему по крайней мере не больно.

Лишь одна вещь меня по-прежнему беспокоила, невзирая на водку. А именно: судьба найденыша. Интересно, какие сны он видит в своей теплой гibernации? Кто его мама и папа? Неужели кто-то из тех синерожих утопленников из Копей Даунинга?

– Эй, Серж, ты вообще что, на связи?

Благодаря Загу я быстро всплыл со дна своих незатейливых мыслей на поверхность разговора. Заг активно тряс меня за плечо, перегнувшись через стол.

– Конечно, на связи! Просто задумался. Так о чем мы там?

– О бабах.

– Ах, ну да... – Я хлопнул себя ладонью по лбу. – Короче, была у меня девушка, Заг. Красавица невероятная. А умная, так вообще как бес! Северина Стаковски-Кинджер ее звали.

– Красивое имя – Северина. Редкое, – заценил Заг.

– Ну да. Мы с ней встречались ровно две недели. Но это были лучшие две недели в моей жизни, чем хочешь могу поклясться! Влюблен я был в нее по уши. Она на Эсквемелине была в составе правительственной инспекции по разумным негуманоидам. А у нас возле Верона Нова там таких было до чертей и больше. Мы их «ежиками» называли.

– Типа хурманчей, что ли?

– Плюс-минус. Только ростом поменьше, пошустрее и трусливые невероятно. И – не гуманоиды. Перекатывались, как ежи...

– Да ты не отвлекайся, – вставил Заг и подпер щеку ладонью. Чувствовалось, что мой рассказ его увлек. Я всегда подозревал, что Заг в душе романтик...

– Ну и вот... Мы познакомились, когда меня отрядили ее на скутере отвезти на газодобывающую платформу, совсем близко от нашей основной. Оттуда прекрасно видны были островки, на которых эти гады, «ежики», свои брачные дела устраивают. Содружество в лице Северины хотело знать, не нарушаем ли мы права «ежиков». Проще говоря, не мешаем ли мы им трахаться этой нашей газодобычей.

– И что? Проверили, как там справедливость?

– Проверили. Но мне тогда было не до «ежиков»... Когда она сзади меня на сиденье скутера уселась своей аккуратной поджарой попкой, когда она прижалась лицом к моей спине и обхватила меня сзади своими ласковыми лапками, чтобы не свалиться, у меня все внутри перевернулось. Мой член стал величиной с вышку гиперсвязи! И я понял, что если в лепешку не расшибусь, чтобы завоевать хотя бы один ее поцелуй, то буду последним пидором нашей Галактики...

– И что, дошло у вас до этого?

– Хм! – Я глянул на Зага очень самодовольно. – Правда, только в последний день. Ей уже уезжать надо было, когда она наконец решилась. Я ее, конечно, умолял погодить. Заклинал красотами Верона Нова, своей любовью... Она своему начальству и говорит: «Мне нужно остаться хотя бы на пару дней». А они ей – категорический отказ. Сволочи! Твари! Срочно, мол, необходимо ваше присутствие, госпожа Северина. Обстоятельства, мол, на планете Хрен С Изюмом чрезвычайные. Содружество должно вынести решение... И все в таком же духе, ну ты понимаешь...

– Ясен пень! – мрачно отозвался понятливый Заг.

– На посадке моя зайка плакала так, что у меня сердце напололам раскалывалось. Все коллеги-инспекторы на нее смотрели в три глаза. Типа она же у них начальница была, главный специалист. А тут – рыдает, как девчонка... Я даже помню, как тот проклятый корабль назывался – «Ривадавия».

– И что?

– Корабль из подпространства не вышел. Говорят, какие-то неполадки были с МУГ-конвертером⁸... Меня еще утешали, что типа по статистике из тех кораблей, что заходят в подпространство, гибнет один корабль из пятисот четырнадцати с половиной... Будто мне от этого легче... – Я сглотнул слюну.

– Ё-моё! – взвыл Заг. По его пунцовой щеке ползла пьяная слеза.

Из-за кулис моего рассказа снова показалась безносая рожа мадемуазель с косою напервес.

Я разлил еще водки. Получилось почти по полному стакану, но мы не отливали.

А потом Зага вырубил прямо в кресле – он заснул, положив голову на стол.

А я остался «в сознании». Правда, в весьма относительном сознании – где-то на два балла по десятибалльной шкале Вилбера.

Мои мысли разбегались в разные стороны, как мыши, но я не переживал.

Я уже вообще ни о чем не переживал.

У моего переносного переживающего устройства душа-17-ПРС (персональная) был полностью выработан ресурс.

Конечно, я сразу догадался, что Заг соврал мне про свою Лилиану...

⁸ МУГ – масса-ускорение-гравитация. МУГ-конвертер – основа энергетики межзвездного корабля и одновременно компенсатор значительных перегрузок, возникающих при маневрировании и движении по разгонному треку перед проколом Альбертовой сетки подпространства.

В отличие от Зага, предпочитающего «Глобальным Вестям» спортивные каналы, я знал, что гигантская удушливая планетища под названием Большой Ариман, куда начальство якобы послало Лилиану в командировку за системами биофильтрации, вот уже полгода как успешно пережила климоклазм, виртуозно обустроенный скатами после отвоевания планеты у Содружества.

И теперь на Большом Аримане, собственно, как и на Эсквемелине, тишь, гладь и скатья благодать. И уж точно никаких систем биофильтрации там не производят. Плевать скатам на биофильтрацию!

И сам я наврал насчет Северины...

Да, была у нас одна такая – только звали ее Доминика. Действительно инспектор. При воспоминании о тонких чертах ее лица, о грации ее движений у меня до сих пор внутри тепло.

Но она никогда не подходила ко мне ближе чем на два метра! Да и видел-то я ее всего четыре раза – даром что помню эти случайные встречи поминутно!

Увы, дружище Заг, такие изысканные девушки, как госпожа Доминика, не интересуются недоразвитыми монтажниками. И между собой называют их «одноклеточными» и «кобелями». А монтажникам социальная справедливость предоставляет богатый выбор между проститутками, официантками, школьницами, еще не пропетрившими, что почем, и такими же, как они сами – монтажниками.

Итак, ни Лилианы, ни Доминики не существовало в природе. Но какое это имело значение в свете ближайшего локального апокалипсиса в виде неизбежного энергетического коллапса нашего катера?

На этой радостной ноте я закрыл глаза...

Смерть – это очень капризная девушка. Смерть приходит, только когда *она* хочет, а не когда ты ее ждешь. Так было и в этот раз.

Я открыл глаза от того, что за шиворот моего комбинезона тонкой струйкой лилась вода. Причем лилась уже не первую секунду. Ручеек вытекал из правой штанины комбинезона и устремлялся в ботинок.

– Что за херня? – пробурчал я, осматриваясь.

Я сидел в том же кресле того же офицерского отсека, в котором и заснул. Пара пластиковых стаканчиков валялась на полу.

Пустая бутылка смотрела на меня своим единственным глазом.

Заг проснулся раньше. Он сидел напротив меня, тупо пялясь в одну точку. Из уголка его рта невзначай капала слюна.

«Если его сфотографировать, получится неплохая иллюстрация для „Пособия начинающего нарколога“. К разделу „Похмельный синдром. Острая и подострая формы“, – подумал я.

Только тут до меня дошло, что комбинезон на мне полностью мокрый. Я с трудом поднял глаза.

Над мной стоял Чен. Он прижимал к груди пятилитровую емкость с питьевой водой. Такие же, только горлышком вниз, составляли неотъемлемую деталь обстановки всякого десантного отсека.

На дне бутылки плескалось что-то около литра жидкости.

«Значит, остальные четыре пошли на купание нас с Загом», – догадался я и тупо уставился на пол. И правда – там стояла лужа.

Прошла минута, и мои органы чувств окончательно пробудились. Сразу выяснилось, что в отсеке ужасно холодно – почти как в Копях. Меня сразу бросило в дрожь.

Словно бы вторя моим мыслям, Заг вслух удивился, как это лужа под ним еще не заледелена.

– Что происходит, Чен? – спросил я севшим со сна голосом. – Ты разве не в курсе – воду надо экономить!

– Решил вас разбудить, – отвечал Чен, опуская емкость на пол. По лаконизму этот ответ не знал себе равных.

– Зачем это? Пьяным сдохнуть гораздо приятнее... – возмутился Заг.

– Сдохнуть отменяется, – неохотно процедил Чен.

Мы с Загом переглянулись – что это он имеет в виду? Вроде бы холодина в командирском отсеке красноречивее всего свидетельствовала о том, что наш конец близок.

Холодина – это значит бортовой милитум перевел энергосистему в аварийный режим. Аварийный режим – это значит топить не будут. То есть будут, но очень и очень мало. Как раз столько, чтобы мы не сдохли сразу...

А еще холодина означает, что мы больше никуда не летим, а просто висим в пространстве над «безопасной» стороной планетки Фратрия-4. А наш милитум орет на полкосмоса: «Спасите наши задницы!» Только после всего, что случилось на Глокке и поблизости от него, едва ли найдется кто-то, кому будет до наших задниц дело. Но, строго говоря, это уже к холодине не имело отношения...

– Чен, скажи мне, что это значит – «сдохнуть отменяется»? – спросил я, с трудом разминая затекшую шею.

– Это значит, что наш катер кто-то затягивает в свою док-камеру, – бесстрастно ответил Чен. – Минут двадцать назад милитум сказал...

Мы с Загом снова переглянулись. Но теперь на наших лицах вместо отчаяния и недоумения отражались совсем другие эмоции.

Похмелье враз как рукой сняло. И притом без всякой химии!

А еще я подумал: «Господи, какой же этот Чен тормоз!»

– Чен, что это значит – в чью-то док-камеру? В чью это? – Радость была настолько неожиданной и настолько оглушительной, что, как обычно, хотелось скрыть свое ликование за интересом ко всяким малозначимым деталям.

– Я знаю об этом корабле только то, что называется он «Корморан».

– Это же фрегат! – проявил сообразительность Заг.

– Первый раз слышу про такой, – бесцветным голосом сообщил Чен и уселся в свободное кресло.

– Выговор тебе с занесением, Чентам Делано Амакити. Нужно было лучше учиться, – прохрипел из своего угла сержант Гусак, и мы все застыли как громом пораженные. Кто как, а я в глубине души был уверен, что капут нашему свирепому Милошу...

А потом мы все четверо, прилипнув к видеоокну, с замиранием сердца наблюдали за тем, как великодушно распахивается ярко освещенная утроба корабля, как ворочают своими хлопотливыми конечностями стыковочные серверы «Корморана»...

О, в тот день было на что поглазеть. Увы, ни у кого из нас не было сил кричать от радости и удивляться...

Я взял капсулу с безмятежно окуклившимся найденышем и шагнул навстречу четверым людям в форме флаинг-офицеров Флота Большого Космоса.

И тогда я подумал, что, возможно, если бы не этот малыш, смерть не стала бы миндальничать с пушечным мясом вроде меня, Зага, Чена и сержанта Гусака.

Глава 4

Я попадаю в ТОП-10

Несчастливая любовь – украшение любой биографии.
Александр Зорич

Стоило мне добраться до теплой койки, как мною овладела апатия. Я больше ничего не слышал и слушал. Никому не отвечал. Говорят, следующие двое суток в госпитальном отсеке «Корморана» я только и делал, что ел и спал. А выспавшись, снова наедался до отвала и укладывался дрыхнуть...

– Типичный травматический синдром! Вот увидишь, через несколько часов сменится маниакальной гиперактивностью!

– Да нет же, я тебе говорю! Это гипоактивность наступила как следствие стрессового перевозбуждения...

У моей койки шептались двое молодых интернов. Иногда к ним присоединялся доктор Леви – высокий худощавый человек с широкой лысиной, признаком большого ума.

Я делал вид, что никого не узнаю. Это давало мне преимущество – я мог не здороваться.

Моя «гипоактивность», впрочем, совершенно не мешала банде медиков использовать меня в качестве подопытной морской свинки – меня облепили датчиками, как рождественскую елку шарами. Но я не возражал. На самом деле я был настолько доволен жизнью (именно жизнью – тем, что жив!), что даже операцию на яйцах, наверное, перенес бы без ропота.

А вот от психосканирования я наотрез отказался. Правда, это было уже несколько дней спустя на нашей оперативной базе Декстра Порты.

Доктора «Корморана» настолько свыклись с моей молчаливостью, с моей прожорливостью и сонливостью, что когда я по прибытии на внутренний рейд Декстра Порты самостоятельно отстегнул все датчики, встал, надел комбинезон и довольно многословно поблагодарил их за заботу, они просто языки проглотили. От неожиданности. Интересно, они думали, что на Глокке я заразился болезнью Дауна?

Любезное предложение доктора Леви выдать мне направление в пехотный госпиталь я решительно отверг. Не надо было мне их «одолжений». Сачковать службу в мои планы не входило.

– Ну, как хотите, – прогнусавил интерн по имени Виктор. Он явно не понимал, отчего я так рвусь в бой.

– Тогда счастливого пути, – пробормотал доктор Леви, озадаченно чухая лысину. – Я, между прочим, слышал, что вас, молодой человек, представили к награде. К «Огненному Кресту». Как спасшего командира отделения и ребенка.

Я тоже это слышал. От Зага, который приходил меня навестить. Но я сделал вид, что удивлен.

– Кстати, а что с тем ребенком, которого я спас?

– Мы благополучно открыли капсулу теплой гибернации.

– И что?

– Ничего. В смысле, оказался здоровым, жизнеспособным...

– ...мальчиком?

– Девочкой.

– А родители нашлись? Вы уже связались? Выяснили? – не отставал я.

– Ну... – замялся Виктор, – я, конечно, делал запрос. Но пока никакой информации нет. Детей с соответствующей ДНК-матрицей в базе данных Копей Даунинга не значит. Впрочем,

это ни о чем не говорит. Скорее всего информация, которая была мне доступна, уже устарела. Может быть, родители вместе с ребенком прибыли на Глокк незадолго до катастрофы. Их, как положено, зарегистрировали, только данные не успели покинуть информационную систему Копей. Вы же знаете, как это бывает... Кроверны сбили спутники протокола или еще что-нибудь в этом духе...

– Ну дела... – Я, честно говоря, опешил.

– Но вы не волнуйтесь, молодой человек, – увещевал меня доктор Леви. – Думаю, на базе в два счета разберутся. У них и средства имеются, и каналы связи получше...

Чувствовалось, что судьба ребенка тут мало кого волнует. Про себя я такого сказать не мог. После стрекошвеек, после вод из поднебесья этот ребенок, то есть эта девочка... в общем, я даже немного разозлился.

– И что с ней теперь будет?

– С кем?

– Ну... с девочкой?

– Обычным порядком. Отправим ее в госпиталь флота. А там пусть разбираются... Там у них есть специалисты. Должны быть.

– То есть вы ее просто с рук спихнете – и все?!

– А вы, молодой человек, предлагаете мне ее здесь оставить? – с издевкой спросил доктор Леви. – Может быть, мне ее выкормить собственной грудью?

Я потупился. Он, конечно, был прав. С обычной точки зрения.

– Знаете, тогда давайте мне. Я хочу сам отнести ее в госпиталь, – постановил я.

Все трое театрально вылупились на меня, будто я предлагал им прямо так, прямо тут заняться групповым сексом.

– Какие-то проблемы? – переспросил я.

– Любые проблемы. Какие только скажете, – изрек доктор Леви. У него даже лысина покраснела. От работы мысли. – Начнем с того, что это воспрещается уставом Медицинской Службы.

– Что именно воспрещается?

– Передача детей посторонним лицам.

– «Посторонним лицам»? – взвился я. – Да если бы не я, малышка сейчас дрейфовала бы в своей капсуле по лабиринтам Копей Даунинга наподобие брошенной подводной лодки. Капсула, рассчитанная на сто восемь часов, уже прекратила бы работать, а даже если бы не прекратила... Кто ее нянчил бы? Кроверны? А может, мeorавиоли?

– Да разве ж я спорю... – отозвался доктор Леви. – Но ведь устав есть устав... Вы – постороннее лицо. Вы не родственник, не опекун...

– А откуда вы знаете, что я не родственник?! Вы ведь даже имени ее не знаете!

– Да что вы так кипятитесь, молодой человек?

– Потому что я чуть не сдох там, на Глокке, из-за этой девчонки. Я носил ее на животе, как беременный, когда в меня стреляли из всего, что стреляет! Я чуть не погиб при старте нашего катера, тоже из-за нее. И я хочу знать, что с ней будет! Мне необходимо знать, что я не напрасно рвал свою задницу, чтобы вылезти из той мясорубки! Я хочу знать хотя бы, как ее зовут!

– Если это станет известно, вам непременно сообщат, – вставил словцо второй интерн.

Я покраснел и медленно сжал кулаки. Больше всего мне хотелось залепить этому молодцу в лоб. Чтоб знал, как умничать. А потом и доктору, чтобы меньше думал про устав.

Доктор Леви быстро понял, чем пахнет.

– Хорошо. Будь по-вашему. Пусть на моей совести будет значиться лишнее нарушение устава, – сказал он и добавил: – Виктор, принесите девочку.

Так я и вышел в холл Третьего терминала космопорта – с девчонкой на руках.

Доктора напялили на нее ушитый серебристый комбинезон самого маленького размера, какой смогли найти. Такие, слыхивал, держат на кораблях Космофлота для хурманчей. Ну, любому ее маленькое тельце болталось в этом комбинезоне, как палец в кармане пальто. Зато на плече комбинезончика красовалась крохотная надпись «Корморан».

Девчонка лопотала что-то невнятное и жадно смотрела по сторонам своими лучезарными васильковыми глазами, то и дело норовя ухватить меня за ухо. В тот момент, когда единственной выжившей обитательнице Копей Даунинга удалось осуществить свою маленькую мечту, на меня надели репортеры...

– Немедленно снимай! Посмотри, какой кадр! Солдат со спасенным ребенком!

– Это вы – Сергей ван Гримм?

– Не могли бы вы посадить ребенка на правую руку? Чтобы было видно ваше лицо?

– Что вы думаете о боеспособности армии Содружества после катастрофы на планете Глокк?

– Скажите, сколько щупалец у настоящего кроверна?

– Считаете ли вы себя героем?

Поначалу я пытался отвечать по существу...

Потом я пытался отвечать кратко...

В конце я пытался просто что-то отвечать...

Но когда моя девчонка начала тихонько хныкать, испугавшись этих информационных говов с магагами, я довольно беспардонно растолкал говорливых долбодятлов и надушенных пигалиц локтями и пошел своей дорогой.

Отойдя на безопасное расстояние, я обернулся.

Чен Молчун как раз выходил из свинцового капонира службы биоконтроля. Естественно, весь этот беспрерывно болтающий муравейник двинулся к нему, старательно вытягивая навстречу новому герою щупальца трехмерных сканеров.

– Кажется, они не на того нарвались, а, красавица? – спросил я у моей девчонки, указывая головой в сторону Чена. Я был совершенно уверен в том, что уж кто-кто, а Чен не скажет им ни одного слова.

Ребенок, словно бы понимая, о чем я, ясноглазо улыбнулся и проагукал мне что-то на своем младенческом диалекте интерлингвы.

В госпиталь флота я, конечно, не пошел – пусть там лечатся эти флаинг-придурки.

А пошел я в свой родной, пехотный госпиталь. И хотя моя девчонка вроде бы к пехоте не относилась, я чувствовал, что там ей будет лучше.

– Меня зовут Аля Лаура Омаи. Меня назначили лидер-врачом вашей девочки. Я только что прочла ее файл с «Корморана». Конечно, я постараюсь сделать все, от меня зависящее, чтобы побыстрее отыскать ее родителей или хотя бы дальних родственников. А до выяснения личности она будет находиться в «желтом» отделении под моим присмотром.

– А если личность так и не выяснится?

– Не может этого быть! Думаю, к завтрашнему утру мы будем знать о ней все.

– Значит, мне можно будет завтра утром зайти?

– Конечно, можно. А сейчас, уважаемый господин...

– ...Серж. Серж ван Гримм, – подсказал я, пожирая ее глазами.

– Да-да, господин ван Гримм. А сейчас я должна вернуться к исполнению своих прямых обязанностей.

– А можно я еще сегодня вечером заскочу? Может, что-то уже выяснится?

– Если это так для вас принципиально – заходите, – бросила уже на ходу Аля Лаура.

Она ушла, а я остался стоять у входа в приемное отделение. Истукан истуканом. Таких красивых женщин я видел раньше только по видеокубу. А вживую – никогда.

Волосы до плеч, чудо из густого солнечного цвета.

Каштановые брови – как две норовистых кометы.

Даже не намекающие на чувственность губы. Губы, равнодушные к поцелуям.

Взгляд сразу в душу.

От такого взгляда, я думаю, млеют даже киборги. Вот что это за взгляд.

Походка доктора Али Лауры Омаи была быстрой, подлетающей, пластичной. Я буквально слизывал взглядом ее тень, бежавшую за ней по больничному коридору.

Мне хотелось расхохотаться. Или заплакать. Или застрелиться тут же, от невозможности преодолеть разделявший нас стеклянный барьерчик.

То есть физически я-то мог перескочить через этот барьерчик. Или, например, разбить стекло.

Но я совершенно твердо знал: это не приблизит меня к Але Лауре Омаи ни на сантиметр. Я вспомнил плешивого доктора Леви. Какими все-таки разными бывают доктора!

В душе у меня все перевернулось. Мне даже начало казаться, что весь этот Глокк – не впустую. Пройти через ад было необходимо, чтобы в конце концов оказаться в приемном отделении.

На негнущихся ногах я вышел из госпиталя. И сразу же попал в железные лапы к нашим особистам...

Эти сволочи хотели знать все. Как любил напевать мой папа, монстр военной инженерии,

From my first cigarette
Till my last dying day.

Пожалуй, офицеры Особого отдела были даже хуже журналистов.

– Где и при каких обстоятельствах вы познакомились с человеком, выдававшим себя за Чаку Дюмулье?

– На каком основании сержант Гусак передал вам командование взводом?

– На чем основывается ваша уверенность в том, что вы ранили кроверна?

– Как именно вам удалось достичь пехотного катера?

– Не кажется ли вам странным повышенный коэффициент выживаемости вашего взвода?

Те же дурацкие вопросы. Только, в отличие от щелкоперов, растолкать особистов локтями мне не светило...

Когда я наконец выбрался на волю из кабинета капитана Арагве, меблированного в лучших традициях школы «пустого дизайна», была уже глубокая ночь. Навстречу мне топали рабочие третьей смены с красными от привычки к кофеиновой инъекции глазами.

Вроде любому нормальному человеку на моем месте было бы ясно: нужно идти в родную казарму и делать бай-бай. Но, видно, от нормального человека во мне осталось после Глокка всего ничего.

Итак, я снова отправился в пехотный госпиталь.

– Доктор Омаи? – спросил меня дежурный медбрат, сдерживая зевок. – Она в «желтой» палате. Ночное дежурство. Но туда нельзя! Там рядом операционный блок!

– Так будьте добры вызвать ее сюда!

– Не имею права. Ее приемные часы окончились. А дежурство началось. Она не имеет права покидать палату еще три часа.

– Что же мне делать?

– Ждать утра. Пока у нее снова начнется приемное время.

– А во сколько оно начнется?

– В двенадцать по местному.

– Ничего себе!

– Если хотите – можно здесь, на креслах прикорнуть. – У медбрата буквально слипались глаза; он и сам был не прочь «прикорнуть».

– Уж лучше тогда в казарму.

– Ну, мое дело предложить, – пожал плечами медбрат.

– Послушайте, – снова завел волюнку я, шурясь от света ламп-бактериофагов. – Я Серж ван Гримм. Мне срочно нужно увидеться с доктором Омаи. Я тут кое-что узнал про найденныша, ребенка с планеты Глокк...

– Ван Гримм? Серж ван Гримм? – Сонливость медбрата как рукой сняло. Он заулыбался во всю пасть и даже вскочил с места. – Как я вас сразу не узнал? Я ж полчаса назад видел вас по кубуку! Вы у нас теперь топ-десять недели! Господи, как я рад! Наш парень, простой пехотинец – и в «Глобальных Вестях»! Скажите, могу ли я вам чем-нибудь помочь?

Я понял, что нужно срочно осваивать роль героя, не то – прощай Аля Лаура! Если бы я знал, какую службу сослужит мне эта «роль героя»!

– Спасибо тебе, дружище, – прочувствованно сказал я. – А вообще, мне действительно требуется помощь.

– С превеликим удовольствием!

– Пропусти меня в «желтую» палату, – попросил я, доверительно подмигивая.

По настоянию братишки я посетил стерилизационный лучевой душ. Лишь после него, заручившись моим честным-пречестным словом, что я не буду никуда заходить по дороге, парень разблокировал стеклянную дверь в коридор, ведущий в ту самую «желтую» палату, и пожелал мне удачи.

Честно говоря, когда я шел по коридору, мое сердце стучало так, как не стучало, наверное, и в аварийном контуре Копей Даунинга.

Наконец, вот она, дверь. Я открываю ее. Вхожу.

Освещенный тусклым, канареечно-желтым светом с выраженным биостимулирующим эффектом зал. В зале – спящие дети. Кое над кем – купол. Кое-кто дрыхнет по-обычному, крепко обнявшись с плюшевым медведем.

Все сплошь – эвакуанты, ясное дело. Откуда бы еще взяться детям в *пехотном* госпитале, где до войны с кровернами место было только взрослым долбодятлам?

Вывезенные на десантных транспортах из-под удара кровернов. Спасенные во время контрударов вроде нашего. Не все ведь операции были такими провальными...

Найденные, в конце концов, на борту терпящих бедствие коммерческих звездолетов. Впрочем, нет, заговариваюсь. «Космические» найденныши обычно попадали под юрисдикцию Космофлота.

Где-то среди этих несчастных (и все равно чертовски счастливых – спаслись ведь все-таки!) ребятишек – моя девчонка.

А за стеклянным столиком у входа в палату сидит, то есть, скорее, лежит... Аля Лаура Омаи.

Ее правая щека покоилась на мануальном интерфейсе нейрокомпьютера. Золотые волосы тревожно разметались по плечам.

Меня невольно передернуло. Военно-полевой рефлекс: лежащий в необычной позе человек после Глокка в самую последнюю очередь ассоциируется со спящим...

Но прошла секунда, и я просто-таки залюбовался. Спящая Аля Лаура была такой привлекательной!

Ее длинные, густые каштановые ресницы безмятежно отдыхали на щеках, усыпанных веснушками. И как я умудрился не заметить этих одуванчиковых полей на щечках доктора Омаи, когда беседовал с ней днем?

Итак, доктор Омаи заснула на рабочем месте. Крадучись, я приблизился к столу и очень тихо встал рядом.

Размеренное, как прибор, дыхание. Я невольно заслушался.

Пожалуй, я простоял так минут десять, пока сообразил, что на столе находится нечто очень неожиданное.

Чашка с остывшим индюшачьим бульоном. Плитка минус-калорийного шоколада с обгрызенным краем на пластиковой тарелке. Карликовая орхидея, цветущая черными туфельками с оранжевыми стелечками, в гидронной мензурке.

Да я поначалу глазам своим не поверил – белые, длинные пальцы девушки с коротко обрезанными розовыми ногтями покоились на корешке толстенной книги, раскрытой на середине и положенной корешком вверх!

Да, это была книга! Самая настоящая бумажная книга!

Странно было наблюдать эту музейную штуку в наше просвещенное время, когда каждый третий житель Содружества вообще не умеет читать (а остальные читают в основном только этикетки, если есть охота сэкономить на товарах в говорящей упаковке), на самом обычном столе. Это было как арбалет какой-нибудь приметить у сержанта линейной пехоты!

К счастью, я относился к двум третям «условно грамотных» граждан Содружества. Я медленно прочел название: «Человек без свойств». И фамилию автора: «Роберт Музиль».

Хотя на меня никто и не смотрел, мои щеки как по команде запунцовели.

Ни фамилия автора, ни название не говорили мне ровным счетом ничего. Вдобавок книга была не на интерлингве, как я привык. А на... немецком. Если бы мой отец не был голландцем, я бы вообще хрена с два понял, что там написано...

Ай да баран я! Ай да лох! А еще нос деру в компании Зага Дакоты...

Не знаю, до каких глубин самоуничижения я бы дошел в своем психоанализе, если бы доктор Омаи вдруг не пошевелилась.

Я вздрогнул и уставился на нее, ожидая пробуждения. Впрочем, не знаю, чего в моем взгляде было больше – желания, чтобы она проснулась, или страха, что она действительно сейчас проснется.

Но Аля Лаура лишь тихонько застонала во сне и переложила голову с правой щеки на левую. Бугорки между клавиатурными сенсорами (их делали специально для того, чтобы могли печатать слепые и осязательно-ориентированные негуманоиды) отпечатались на щеке доктора Омаи дюжиной розовых шашечек.

Это было ужасно трогательно. До такой степени трогательно, что я до крови закусил нижнюю губу. Смесь тоски, желания и растерянности, забурлившая в моей душе, была невыносимо едкой.

В ту же секунду я принял решение: немедленно уйти. Поскольку сама мысль о том, чтобы разбудить сейчас Алю Лауру, показалась мне кошунственной.

А через четыре часа я снова сидел в кабинете капитана Арагве. На казенном языке все это называлось «доуточнением хода операции по субъективным данным».

– Кому именно пришла в голову идея использовать гавилафет в качестве транспортного средства?

– Почему вы называете «случайным» свой интерес к морозильной камере, где был найден ребенок?

– В отчете флайнг-офицера с фрегата «Корморан» говорится, что, когда вы вышли из катера, ваш комбинезон был мокрым. Почему?

И так далее, и в том же духе, чтоб они все передохли!

Если без эмоций, то особистов, как и всякую Божью тварь, можно было понять. Не так-то много нас, пехтуры, осталось в живых после Глокка.

С другой стороны, разве из этого следует, что я должен сканать в этом унылом кабинете, отвечая на двухсотый за сутки вопрос?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.